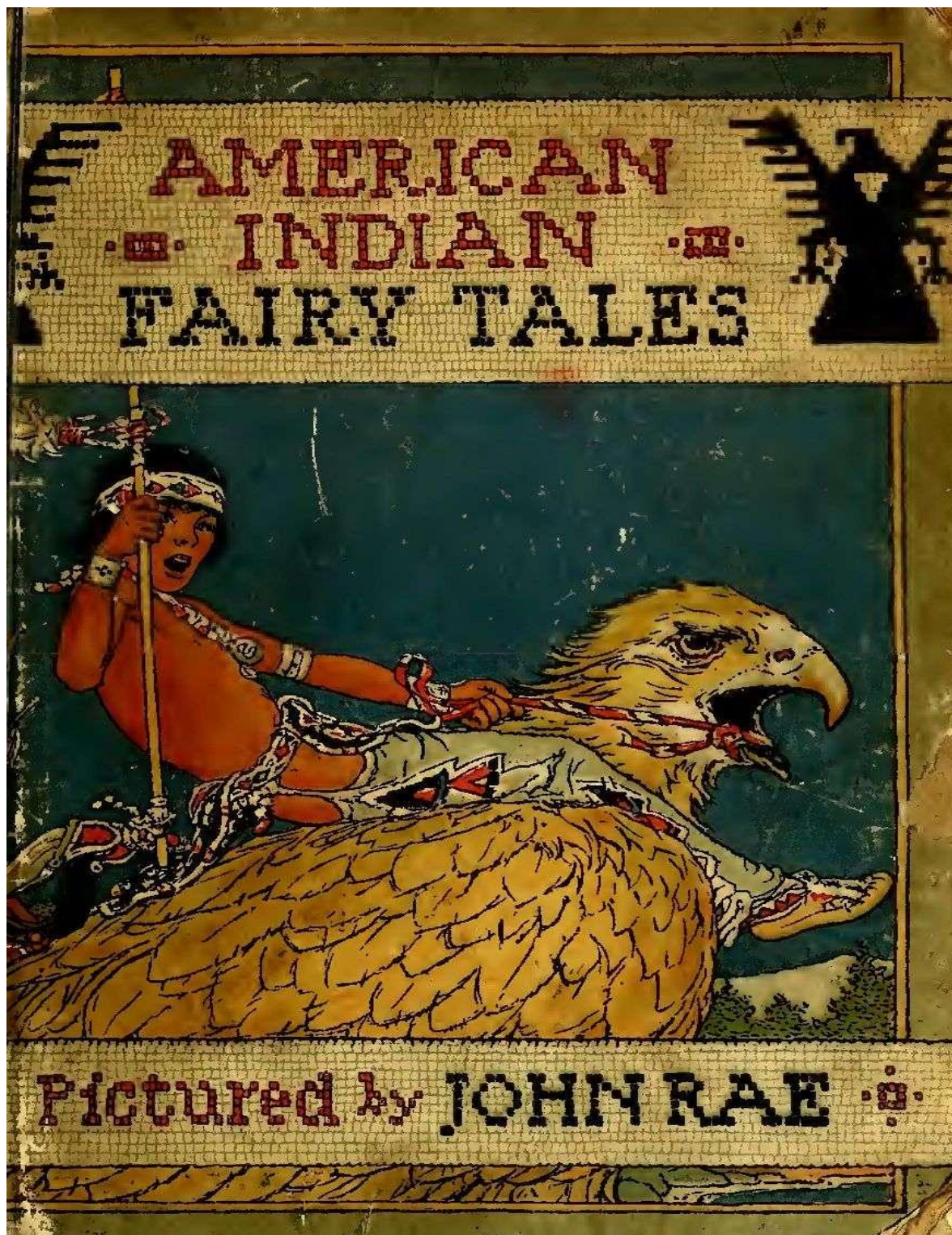

Сказки американских индейцев

У. Т. Ларнед

Содержание

СКАЗКИ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Иллюстрации Джона Рэя

Оригинал

Оригинал

Оригинал

Оригинал

Оригинал

Оригинал

Иаго, рассказчик

Оригинал

Оригинал

Оригинал

Шин-ге-бис обманывает Северный ветер

Оригинал

Оригинал

Мальчик и девочка в облаках

Оригинал

Оригинал

Оригинал

Ребенок вечерней звезды

Оригинал

Оригинал

Мальчик, поймавший солнце

Оригинал

Оригинал

Оригинал

Как пришло лето

Оригинал

Оригинал

Оригинал

Кузнечик

Оригинал

Оригинал

Оригинал

Мишоша, волшебник

Оригинал

Оригинал

Фея-невеста

Оригинал

[Оригинал](#)

[Оригинал](#)

[Оригинал](#)

[Оригинал](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга Проекта Гутенберга «Сказки американских индейцев»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Сказки американских индейцев

Автор: У. Т. Ларнед

Иллюстратор: Джон Рэй

Дата выпуска: 31 марта 2014 г. [электронная книга № 45279]
Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Дэвидом Уиджером на основе изображений страниц, любезно предоставленных Интернет-архивом

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «АМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙСКИЕ СКАЗКИ» ***

АМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Автор: У. Т. Ларнед

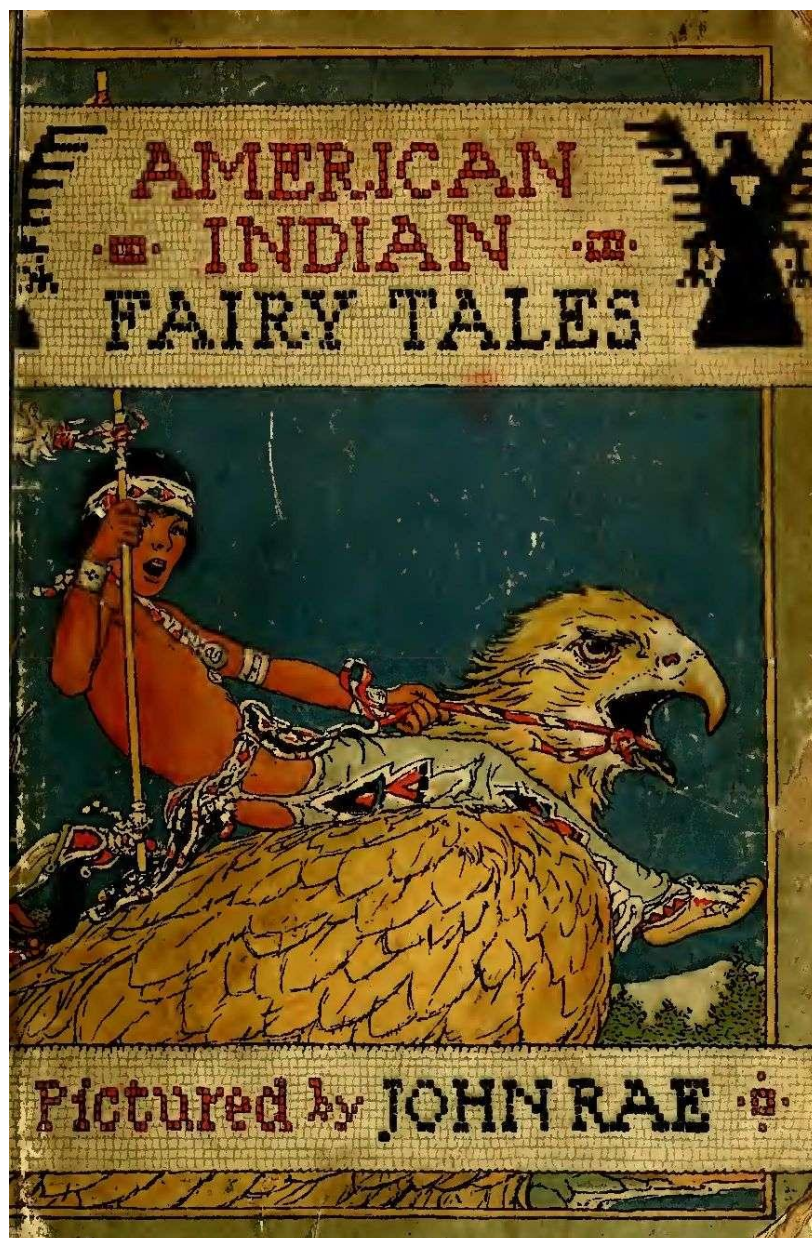
Иллюстрации Джона Рэя

1921

P. F. Volland Company

Двадцать девятое издание

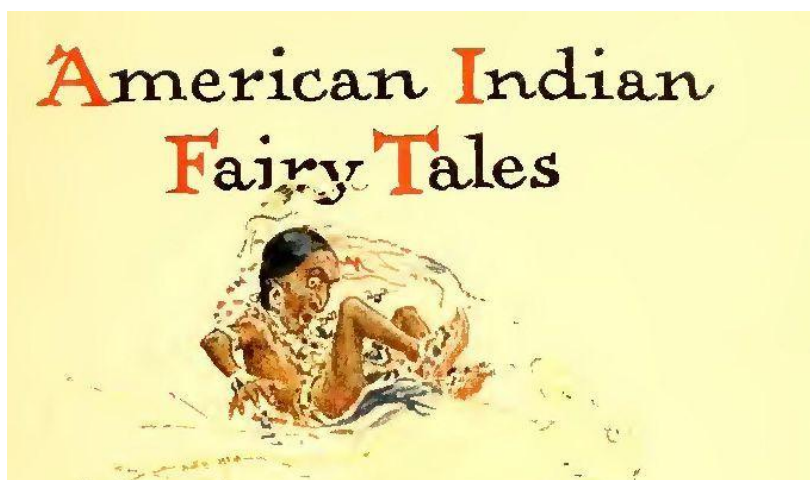
За одним исключением, все рассказы в этой книге являются адаптацией легенд, собранных Генри Р. Скулкрафтом, этнологом и правительственным агентом в регионе озера Верхнее, и опубликованных в 1839 году под названием «Algic Researches» (Исследования алгигов).

Оригинал

Оригинал

Оригинал

American Indian → Fairy Tales ❖

Retold by W.T. Larned ❖

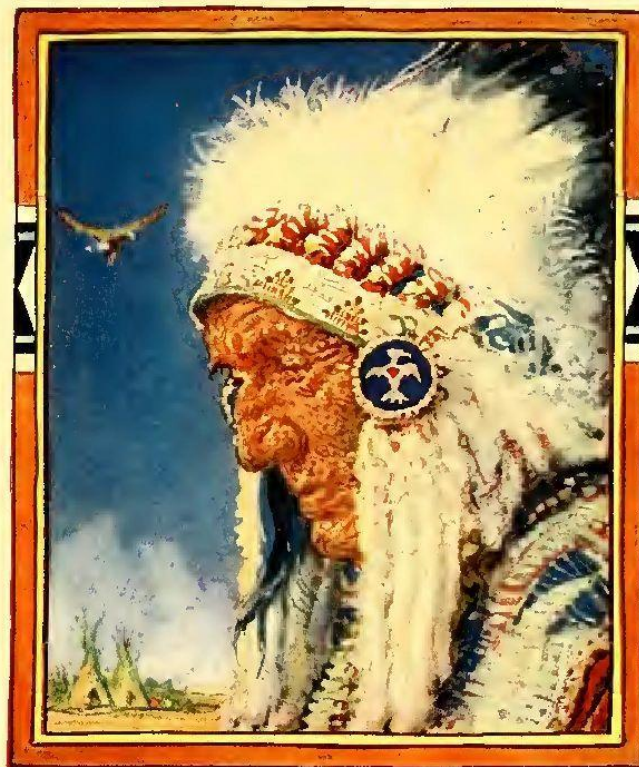
Illustrated by
John Rae

Published and copyrighted by
P.F. Volland Company
New York · Chicago · Toronto ·

Оригинал

✧ To Young America ✧

✧ From ✧
The Oldest
Americans!

Оригинал

⇒⇨ Coyote, the Prairie Wolf. ⇨⇩

Оригинал

Содержание

[Ягу, Рассказчик](#)

[Шин-ге-бис обманывает Северный Ветер](#)

[Маленькие мальчик и Девочка в Облаках](#)

[Дитя Вечерней Звезды](#)

[Мальчик , поймавший Солнце в Ловушку](#)

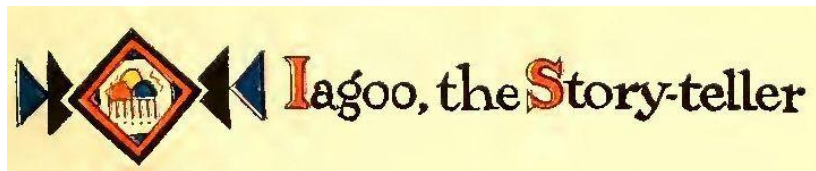
[Как наступило лето](#)

[Кузнечик](#)

[Миш-о-ша, Волшебник](#)

[Невеста - Фея](#)

Ягу, Рассказчик

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Никогда не было никого столь мудрого и знающего, как старый Ягу. Никогда не было индейца, который видел и слышал так много. Он знал тайны лесов и полей, понимал язык птиц и зверей. Всю свою долгую жизнь он прожил на свежем воздухе, забредая далеко в лес, где прячутся дикие олени, или рассекая воды озера в своем каноэ из бересты.

Помимо того, что он узнал для себя, Ягу знал гораздо больше. Он знал сказки и чудесные истории, которые рассказывал ему его дед, который слышал их от своего деда, и так далее, вплоть до тех времен, когда мир был молодым и странным, и волшебство было почти во всем.

Ягуу был большим любимцем детей. Никто лучше него не знал, где найти красивые цветные ракушки, из которых он нанизывал ожерелья для маленьких девочек. Никто не мог бы так хорошо научить их, где искать травы, которые их ловкие пальцы плели в корзины. Для мальчиков он сделал луки и стрелы — луки из ясеня, которые гнулись далеко назад, не ломаясь, и стрелы, прочные и прямые, из крепкого дуба.

Но больше всего Ягу покорила сердца детей своими рассказами. Откуда у малиновки такая красная грудка? Как огонь попал в дерево, чтобы индеец мог снова погасить его, потеряв две палочки друг о друга? Почему Койот, степной волк, был намного умнее других животных; и почему он всегда оглядывался, когда убегал? Именно старый Ягу мог сказать вам, куда и почему.

Итак, зима была временем для рассказывания историй. Когда на земле лежал глубокий снег, Север. Ветер выл из его дома в Стране Льда, и холодная луна сияла с морозного неба, именно тогда индейцы собрались в вигваме. Именно тогда Ягу сел у костра из пылающих поленьев, а маленькие мальчики и девочки собрались вокруг него.

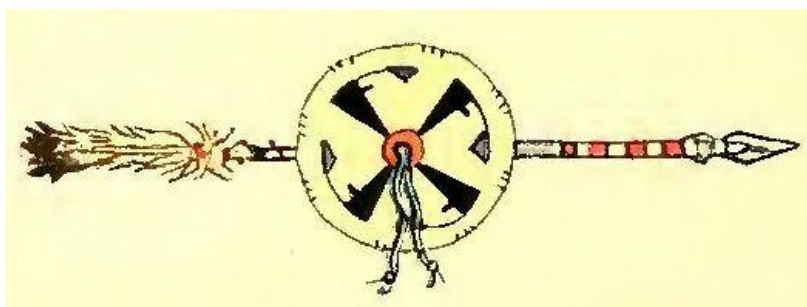
- Ууу, ууу! - завыл Северный ветер. Взметнулись искры, и Ягу подбросил в огонь еще одно полено. "У-у-у!" Каким озорным старикашкой был этот Северный Ветер! Его почти можно было разглядеть — его распущенные волосы были усыпаны сосульками. Если бы вигвам не был таким прочным, он бы снес его дотла, а если бы огонь не был таким ярким, он бы его потушил. Но вигвам был построен специально, как раз для такого времени, как это; а в лесу

поблизости были бревна, которых хватило бы навечно. Так что Северному Ветру оставалось только скрежетать зубами и приговаривать: "У-у-у!"

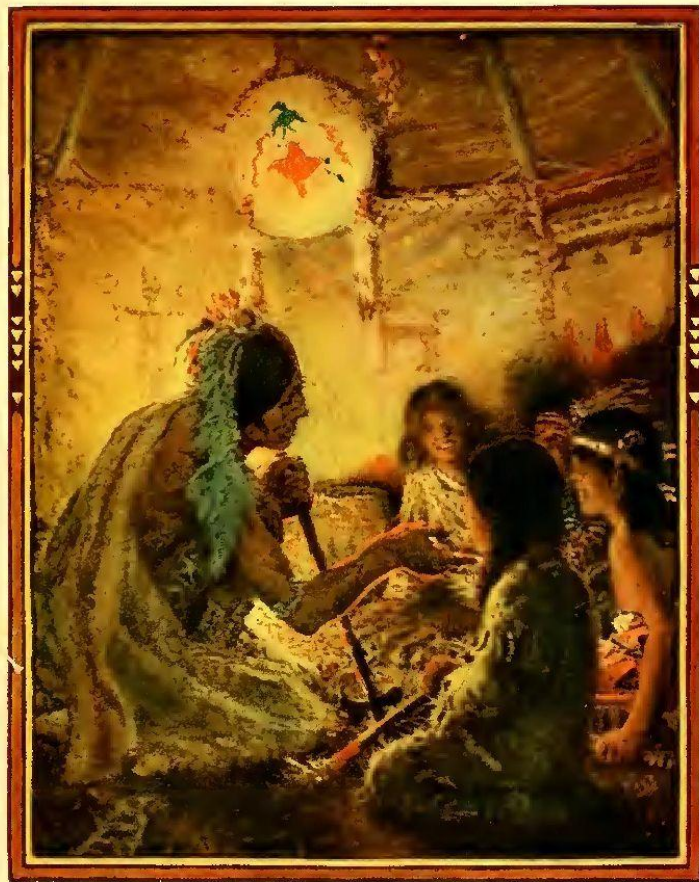
Одна маленькая девочка, более робкая, чем остальные, подходила ближе и клала руку на плечо старика. "О, Ягу, - сказала она, - просто послушай! Ты думаешь, он может причинить нам вред?"

"Не бойся", - ответил Ягоо. "Северный ветер не причинит вреда тому, кто храбр и весел. Он бушует и производит много шума, но в душе он действительно большой трус, и огонь скоро отпугнет его. Предположим, я расскажу тебе историю об этом.

И историю, которую рассказал Ягу, мы сейчас расскажем вам, историю о том, как Шин-ге-бис одурачил Северный Ветер.

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Iagoo won the children's
hearts with his stories.

Ошибка! Закладка не определена.Оригинал

Шин-ге-бис дурачит Северный Ветер

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

ДАВНЫМ-давно, в те времена, когда на земле жило всего несколько человек, на Севере обитало племя рыбаков. Так вот, самую лучшую рыбу можно было найти летом, далеко в замерзших местах, где зимой вообще никто не мог жить. Ибо Королем этой Ледяной Страны был свирепый старик, которого индейцы называли Ка-биб-он-окка, что на нашем языке означает "Северный ветер".

Хотя Ледяная Страна простиралась от вершины мира на тысячи и тысячи миль, Ка-биб-на-окке не был удовлетворен. Если бы он мог добиться своего, нигде не было бы ни травы, ни зеленых деревьев; весь мир был бы белым от конца года до конца, все реки замерзли бы, а вся страна покрылась снегом и льдом. .

К счастью, его силе был предел. Каким бы сильным и свирепым он ни был, он не мог сравниться с Ша вон даси, Южным Ветром, чей дом находился в прекрасной стране солнечного цветка. Там, где жил Ша вон даси, всегда было лето. Когда он дышал на землю, в лесах появлялись фиалки, в желтых прериях цвела дикая роза, а воркующий голубь музыкально звал свою пару. Это был он, благодаря которому выросли дыни и пурпурный виноград; это был он, чье теплое дыхание привело к созреванию кукурузы на полях, одело леса в зелень и сделало землю радостной и прекрасной. Затем, когда летние дни на Севере становились короче, Ша вон даси взбирался на вершину холма, набивал свою огромную трубку и сидел там, мечтая и покуривая. Час за часом он

сидел и курил; и дым, поднимаясь в виде пара, наполнял воздух мягкой дымкой, пока холмы и озера не стали похожи на холмы и озера страны грез. Ни дуновения ветра, ни облачка на небе; великий покой и тишина во всем. Нигде больше в мире не было ничего столь чудесного. Стояло бабье лето.

Теперь рыбаки, расставлявшие свои сети на Севере, работали усердно и быстро, зная, что близко время, когда Южный Ветер утихнет, и свирепый старый Ка-биб-на-окке налетит на них и прогонит прочь. Конечно же! Однажды утром вода в том месте, где они ставили сети, покрылась тонкой пленкой льда; сильный иней сверкал на солнце на корковой крыше их хижин.

Этого было достаточно для предупреждения. Лед становился все толще, снег падал большими пушистыми хлопьями. Мимо пробежал Койот, степной волк, в своей лохматой белой зимней шубе. Они уже могли слышать бормотание и стоны вдалеке.

"Ка-биб-он-окка приближается!" - закричали рыбаки. "Ка-биб-он-окка скоро будет здесь. Нам пора уходить".

Но Шин-ги-бис, ныряльщик, только рассмеялся.

Шин ги бис всегда смеялся. Он смеялся, когда ловил крупную рыбу, и смеялся, когда вообще ничего не ловил. Ничто не могло испортить ему настроение.

"Рыбалка по-прежнему хороша", - сказал он своим товарищам. "Я могу прорубить во льду лунку и ловить рыбу с помощью лески вместо сети. Какое *мне* дело до старого Ка-биба-на-окке?"

Они посмотрели на него с изумлением. Шин-ге-бис действительно обладал определенными магическими способностями и мог превращаться в утку. Они видели, как он это делал; и именно поэтому его стали называть "ныряльщиком". Но как это позволило бы ему противостоять гневу ужасного Северного Ветра?

"Тебе лучше пойти с нами", - сказали они. "Ка-биб-онокка намного сильнее тебя. Самые большие деревья в лесу склоняются перед его гневом. Самая быстрая река, которая течет

замирает от его прикосновения. Если ты не сможешь превратиться в медведя или рыбу, у тебя вообще не будет шансов".

Но Шин-ги-бис только рассмеялся еще громче.

"Моя меховая шуба, одолженная мне братом Бобром, и рукавицы, позаимствованные у кузена Ондатры, защитят меня днем, - сказал он, - а внутри моего вигвама есть грудa больших бревен. Пусть Ка-биб-он-окка подойдет к моему костру, если он осмелится.

Итак, рыбаки распрощались довольно печально, потому что смеющийся Шин-ге-бис был их любимцем, и, по правде говоря, они никогда не ожидали увидеть его снова.

Когда они ушли, Шин-ге-бис принялся за свою работу по-своему. Прежде всего он позаботился о том, чтобы у него было побольше сухой коры, веток и сосновых иголок, чтобы разжечь костер, когда вечером он вернется в свой вигвам. Снег к этому времени был довольно глубоким, но сверху он так сильно промерз, что солнце не растопляло его, и он мог идти по поверхности, совсем не проваливаясь. Что касается рыбы, он хорошо знал, как ловить ее через лунки, которые он проделывал во льду; и по ночам он возвращался домой, волоча за собой длинную вереницу рыбы и напевая песню, которую сочинил сам:

"Ка-биб-он-окка, древний человек,

Приди и напугай меня, если сможешь.

Каким бы ты ни был большим и буйным,

Ты такой же смертный, как и я!"

Таким-то Ка-биб-на-окке и нашел его однажды поздним вечером, бредущим по снегу.

"У-у-у-у!" - закричал Северный Ветер. - Что это за наглое двуногое создание, которое осмеливается задерживаться здесь надолго после того, как дикий гусь и цапля улетели на

юг? Мы еще посмотрим, кто хозяин в Стране Льда. Этой же ночью я проберусь в его вигвам, потушу его костер и развею пепел повсюду. У-у-у!"

Наступила ночь; Шин-ге-бис сидел в своем вигваме у пылающего костра. И какой огонь! Каждая заготовка была такой большой, что ее хватило бы на целую луну. Именно так считали время индейцы, у которых не было часов; вместо недель или месяцев они говорили "луна" — продолжительность времени от одного новолуния до другого.

Шин-ги-бис готовил рыбу, прекрасную, свежую рыбу, пойманную в тот же день. Приготовленное на углях, это было нежное и пикантное блюдо, и Шин-ге-бис причмокнул губами и от удовольствия потер руки. В тот день он отшагал много миль, так что сидеть у ревающего огня и поджаривать голени было приятно. "Как глупо, - подумал он, - были его товарищи, покинув место, где рыбы было так много, так рано зимой".

"Они думают, что Ка-биб-он-окка - своего рода волшебник, - говорил он себе, - и что никто не может противостоять ему. Это мое собственное мнение, что он такой же мужчина, как и я. Это правда, что я не выношу холода так, как он, но ведь и он не может выносить жару так, как я".

Эта мысль так развеселила его, что он начал смеяться и петь:

"Ка-биб-он-окка, морозный человек,
Попробуй заморозить меня, если сможешь.
Хотя ты дуешь до тех пор, пока не устанешь,
Я в безопасности у своего костра!"

Он был в таком приподнятом настроении, что едва заметил внезапный шум, начавшийся снаружи. Снег шел густо и быстро; когда он падал, его снова подхватывало, как крупу, и сдувало на вигвам, где он лежал огромными сугробами. Но вместо того, чтобы делать внутри холоднее, это было действительно похоже на толстое одеяло, которое не пропускало воздух.

Ка-биб-он-окка вскоре обнаружил свою ошибку, и это привело его в ярость. - Крикнул он в дымовую трубу, и его голос

это было так дико и ужасно, что могло бы напугать обычного человека. Но Шин-ге-бис только рассмеялся. В этой огромной, безмолвной стране было так тихо, что он скорее наслаждался небольшим шумом.

The North Wind was
a fierce old man.

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

- Хо-хо! - крикнул он в ответ. - Как дела, Ка-биб-онокка? Если ты не будешь осторожен, у тебя лопнут щеки".

Затем вигвам затрясся от силы порыва ветра, и занавес из бизоньей шкуры, закрывавший дверной проем, затрепетал и задребезжал, и задребезжал, и задрожал.

- Заходи, Ка-биб-он-окка! - весело позвал Шин-ге-бис. - Заходи и согрейся. На улице, должно быть, жуткий холод.

Услышав эти насмешливые слова, Ка-биб-он-окка бросился на занавеску, порвав один из ремешков из оленьей кожи, и пробрался внутрь. О, какое ледяное дыхание! — такое ледяное, что оно наполнило жаркий вигвам, как туман.

Шин-ге-бис притворился, что ничего не заметил. Продолжая напевать, он поднялся на ноги и подбросил еще одно бревно. Это было толстое сосновое бревно, и оно горело так сильно и выделяло так много тепла, что ему пришлось сесть немного поодаль. Краем глаза

он наблюдал за Ка-биб-он-оккой, и то, что он увидел, снова заставило его рассмеяться. Пот градом лился у него со лба; снег и сосульки в его распущенных волосах быстро исчезли. Точно так же, как снеговик, слепленный детьми, тает под теплым мартовским солнцем, так и свирепый старый Северный Ветер начал таять! В этом не могло быть сомнений; Ка-биб-он-окка, ужасный, таял! Его нос и уши стали меньше, тело начало усыхать. Если бы он оставался там, где был, еще немного, Король Ледяной Страны превратился бы в лужу.

"Подойди к огню", - безжалостно сказал Шин-ге-бис. "Ты, должно быть, продрог до костей. Подойди поближе и согрей руки и ноги."

Но Северный Ветер улетучился еще быстрее, чем появился, через дверной проем.

Оказавшись снаружи, холодный воздух привел его в чувство, и весь его гнев вернулся. Поскольку ему не удалось заморозить Шин-ги-биса, он растратил свою ярость на все, что попадалось ему на пути. Под его ногами снег покрывался коркой; хрупкие ветви деревьев хрустели, когда он дул и фыркал; крадущаяся лиса спешила к своей норе; а бродячий койот искал первое попавшееся укрытие.

Он снова направился к вигваму Шин-ге-биса и крикнул в дымоход. - Выходи! - крикнул он. "Выходи, если осмелишься, и поборись со мной здесь, на снегу. Тогда мы скоро увидим, кто здесь хозяин!"

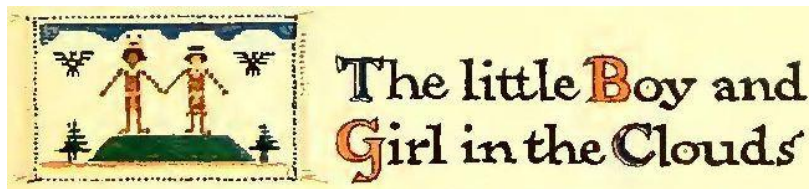
Шин-ги-бис обдумал это. "Должно быть, огонь ослабил его", - сказал он себе. "И мое собственное тело теплое. Я верю, что смогу одолеть его. Тогда он больше не будет меня раздражать, и я смогу оставаться здесь столько, сколько захочу."

Он выбежал из вигвама, и Ка-биб-он-окка вышел ему навстречу. Затем произошла великая борьба. Снова и снова они катались по твердому снегу, заключенные в объятия друг друга.

Всю ночь напролет они боролись; и лисы выползли из своих нор, расселись кружком на безопасном расстоянии и наблюдали за борцами. Усилие, которое он приложил, согрело кровь в теле Шин-ге-биса. Он чувствовал, как Северный Ветер становится все слабее и слабее; его ледяное дыхание больше не было порывом ветра, а всего лишь слабым вздохом.

Наконец, когда солнце взошло на востоке, борцы, тяжело дыша, разошлись в стороны. Ка-биб-он-окка был побежден. С отчаянным воплем он повернулся и умчался прочь. Он ускорился далеко-далеко на Север, даже в страну Белого Кролика; и пока он шел, смех Шин-ге-биса раздавался и преследовал его. Жизнерадостность и отвага способны побороть даже Северный ветер.

Маленькие мальчик и Девочка в Облаках

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Рассказчик ЯГУ однажды вечером сидел в своем любимом уголке, глядя на тлеющие в камине поленья, словно во сне.

В такой момент дети понимали, что лучше не перебивать его вопросами или дразнить рассказом. Они знали, что Ягу прокручивал в уме странные вещи, которые он слышал, и удивительные вещи, которые он видел; что горящие поленья и красные угли принимали странные формы и образовывали странные картины, которые мог понять только он, и что, если они не будут мешать ему, он вскоре начнет говорить.

Однако в этот конкретный вечер, хотя они терпеливо ждали и разговаривали друг с другом только тихим шепотом, Ягу продолжал сидеть так, словно был сделан из камня. Они начали бояться, что он забыл о них и что время ложиться спать наступит без сказки. И вот, наконец, маленькая Ипомея, которая всегда задавала вопросы, вспомнила о том, чего никогда раньше не задавала.

- Ого! - воскликнула она и замолчала, боясь обидеть его.

При звуке ее голоса старик встрепенулся, как будто его мысли были далеко, в долгом путешествии в прошлое.

- В чем дело, Утренняя Слава?

"Иагу... ты можешь мне сказать ... Горы всегда были здесь?"

Старик серьезно посмотрел на нее. Каким бы трудным ни был вопрос или неожиданным, Ягу всегда была рада ответить. Он никогда не говорил: "Я слишком занят, не мешай мне" или "Подожди до другого раза". Поэтому, когда Морнинг Глори

задали ему этот очень странный вопрос, и он кивнул своей мудрой старой головой, сказав:

- Знаешь, я часто спрашивал себя именно об этом: горы были здесь всегда?

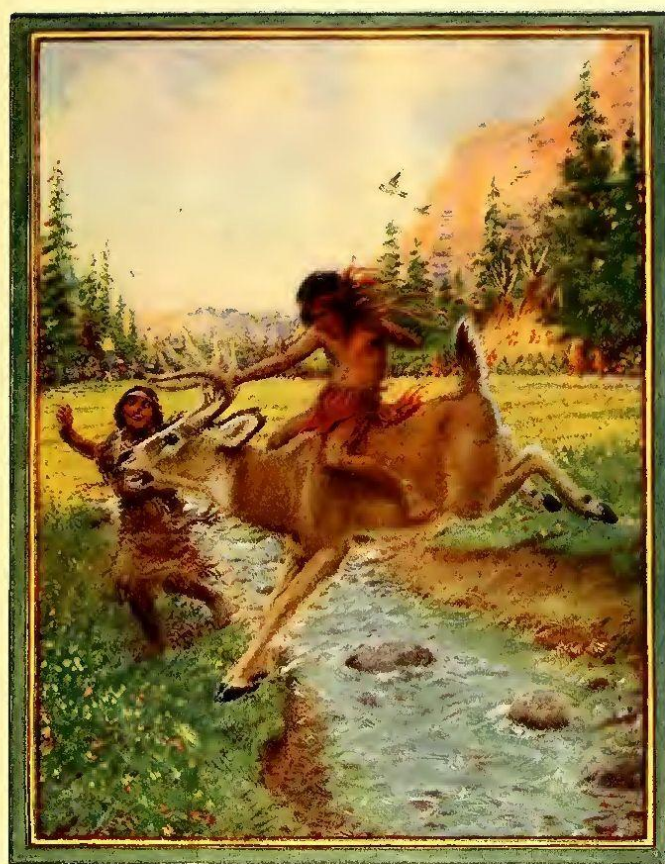
Он помолчал и еще раз посмотрел в огонь, как будто там можно было найти ответ, если бы он только смотрел достаточно долго. Наконец он заговорил снова:

"Да, я думаю, это должно быть правдой, что горы были здесь всегда — горы и холмы. Они были созданы, когда был сотворен мир - давным—давно; и историю о том, как был сотворен мир, вы слышали раньше. Но есть один высокий холм, который не всегда был здесь — холм, который вырос как по волшебству, внезапно. Я когда-нибудь рассказывал тебе историю о Большой Скале — как она поднималась все выше и выше и унесла маленьких мальчика и девочку высоко в облака?

"Нет, нет!" - закричали дети хором. "Ты никогда нам этого не рассказывал. Расскажи сейчас".

И это история о волшебном Большом Камне, которую старый Ягу услышал от своего дедушки, а тот услышал от своего прадеда, который был почти настолько взрослым, что сам был там, когда все это произошло:

В те дни, когда все животные и люди жили в дружеских отношениях, когда койот, степной волк, был неплохим парнем, когда с ним знакомились поближе, и даже горный лев приятно рычал и проводил с тобой время суток, — жили в прекрасной долине маленькие мальчик и девочка.

Never was such a play-ground anywhere.

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Эта долина была прекрасным местом для жизни; нигде на земле не было такой игровой площадки. Это было похоже на огромный зеленый ковер, простиравшийся на многие мили, и когда ветер трепал высокую траву, это было все равно что смотреть на морские волны. В прекрасной долине цвели цветы всех мастей, на кустах густо росли ягоды, а птицы наполняли летний воздух своими песнями.

Лучше всего то, что бояться было совершенно нечего.

дети могли гулять по своему желанию — наблюдать за веселыми бабочками, дружить с белками и кроликами или следить за полетом пчелы к какому-нибудь дереву, где хранится ее мед.

Что касается диких животных, то все это сильно отличалось от того, что есть сейчас, когда бедняжек держат в клетках или запирают на маленьком клочке земли за высоким забором. В прекрасной долине животные бегали свободно и счастливо, как и было задумано. Медведь был большим, ленивым, добродушным парнем, который летом питался ягодами и диким медом, а зимой забирался в свою пещеру в скалах и спал там до весны. Олени были не только нежными, но и ручными, как овцы, и часто приходили пощипать нежную траву, которая росла там, где двое детей привыкли играть.

Они любили всех животных, и животные любили их; но, возможно, их особыми любимцами были Джек Рэббит и Антилопа. У Кролика Джека были длинные ноги и длинные уши — почти такие же длинные, как у мула, и ни одно животное его размера не могло подпрыгнуть так высоко. Но, конечно, он не мог прыгать так высоко, как Антилопа — так звали красивого маленького олененка с короткими рожками и стройными ножками, который мог бежать со скоростью ветра.

Еще одной вещью, которая делала счастливую долину таким приятным местом для жизни, была река, протекавшая через нее. Все животные съезжались со всей округи, чтобы напиться из его чистой, прохладной воды и искупаться в ней в жаркий летний день. Один неглубокий бассейн, казалось, был сделан специально для маленьких мальчика и девочки. Их друг, Бобр, с плоским хвостом, похожим на весло, и перепончатыми, как у утки, лапами, научил их плавать почти сразу же, как они научились ходить; и плескаться в бассейне теплым днем было для них одним из величайших удовольствий.

Однажды в середине лета вода была такой приятной, что они оставались в бассейне гораздо дольше обычного, так что, когда наконец вышли, то были очень уставшими. И какими они были

к тому же, немного продрогнув, они огляделись в поисках хорошего места, где могли бы обсохнуть и согреться.

"Давай заберемся на тот большой плоский камень, поросший мхом", - предложил маленький мальчик. "Мы никогда раньше этого не делали. Это было бы очень весело".

Поэтому он вскарабкался на скалу, которая была всего в несколько футов высотой, и потащил сестру за собой. Затем они прилегли отдохнуть и довольно скоро, сами того не желая, крепко уснули.

Никто не знает, как случилось, что именно в это время скала начала подниматься и расти. Но это действительно произошло, потому что сегодня он здесь, высокий, голый и крутой, выше других холмов в долине. Пока дети спали, он поднимался и поднимался, дюйм за дюймом, фут за футом; на следующий день он был выше самых высоких деревьев.

Тем временем их отец и мать искали их повсюду, но все напрасно; от них не было и следа. Никто не видел, как они взбирались на скалу, и все, кого это касалось, были слишком взволнованы, чтобы заметить, что с ней произошло на самом деле. Родители бродили повсюду, спрашивая: "Антилопа, ты не видела наших маленьких мальчика и девочку? Кролик Джек, ты, должно быть, видела наших маленьких мальчика и девочку". Но никто из животных их не видел.

Наконец они встретили Койота, самого умного из них, который рысцой бежал по долине, задрав нос кверху; тогда они задали ему тот же вопрос.

"Нет", - сказал Койот. "Я давно их не видел. Но мой нос был дан мне, чтобы обонять, и мои мозги были даны мне, чтобы думать. Так что кто может сказать, что я могу вам помочь?"

Он побежал рядом с ними вдоль берега реки, и довольно скоро они подошли к бассейну, где купались дети. Койот все принимался и принимался. Он бегал кругами, уткнувшись носом в землю; потом подбежал прямо к

взобрался на камень, поднял передние лапы так высоко, как только мог дотянуться, и снова принялся.

- Х-м-м! - проворчал он. - Я не умею летать, как Орел, и не умею плавать, как Бобр. Но я не глуп, как Медведь, и не невежествен, как Кролик Джек. Мой нюх еще ни разу не обманывал меня; ваши маленькие мальчик и девочка, должно быть, вон там, на той скале.

"Но как они могли туда попасть?" - спросили изумленные родители. Ибо скала теперь была так высока, что вершина терялась из виду в облаках.

- Вопрос не в этом, - сурово сказал Койот, не желая признавать, что было что-то, чего он не знал. - Вопрос вообще не в этом. Это может спросить любой. Единственный вопрос, который стоит задать, таков: как нам снова сбить их с ног?"

Поэтому они созвали всех животных вместе, чтобы обсудить это и посмотреть, что можно сделать. Тогда Медведь сказал: "Если бы я только мог обхватить скалу руками, я мог бы взобраться на нее. Но она слишком велика для этого". И Лиса сказала: "Если бы это была всего лишь глубокая нора, а не высокий холм, я бы смогла тебе помочь". А Бобр сказал: "Если бы это было просто место в воде, куда я могла бы доплыть, я бы тебе очень быстро показал".

Но поскольку подобные разговоры не завели их слишком далеко, они решили попробовать, что можно сделать с прыжками. Казалось, другого выхода не было; и поскольку каждый стремился внести свой вклад, самому маленькому было позволено сделать первую попытку. Итак, Мышонок совершил забавный маленький прыжок, примерно на высоту вашей руки. Белка поднялась немного выше. Кролик Джек совершил самый высокий прыжок в своей жизни и чуть не сломал спину, но совершенно напрасно. Антилопа сильно подпрыгнул в воздухе, но сумел снова вскочить на ноги, не причинив себе никакого вреда. Наконец, Горный лев отошел подальше, чтобы хорошенько стартовать, большими прыжками подбежал к скале, прыгнул прямо вверх — и

упал и перекатился на спину. Он прыгнул выше, чем любой из них; но этого было недостаточно.

Никто не знал, что делать дальше. Казалось, что маленьким мальчику и девочке придется вечно спать среди облаков. Внезапно они услышали тоненький голос, говоривший:

- Возможно, если ты позволишь *мне* попробовать, я смогу *взобраться* на скалу. Все они удивленно оглянулись, гадая, кто это заговорил; и сначала они никого не увидели и подумали, что Койот, должно быть, разыгрывает с ними шутку. Но Койот был удивлен не меньше остальных.

- Подожди минутку. Я иду так быстро, как только могу, - снова сказал тоненький голосок. Затем из травы выполз Измеряющий Червяк — забавный маленький червячок, который прокладывал себе путь, сгорбив спину и продвигаясь вперед по дюйму за раз.

- Хо-хо! - сказал Горный лев из глубины своего горла. Он всегда так говорил, когда оскорблялось его достоинство. - Хо-хо! Ты когда-нибудь слышал о такой наглости? Если я,

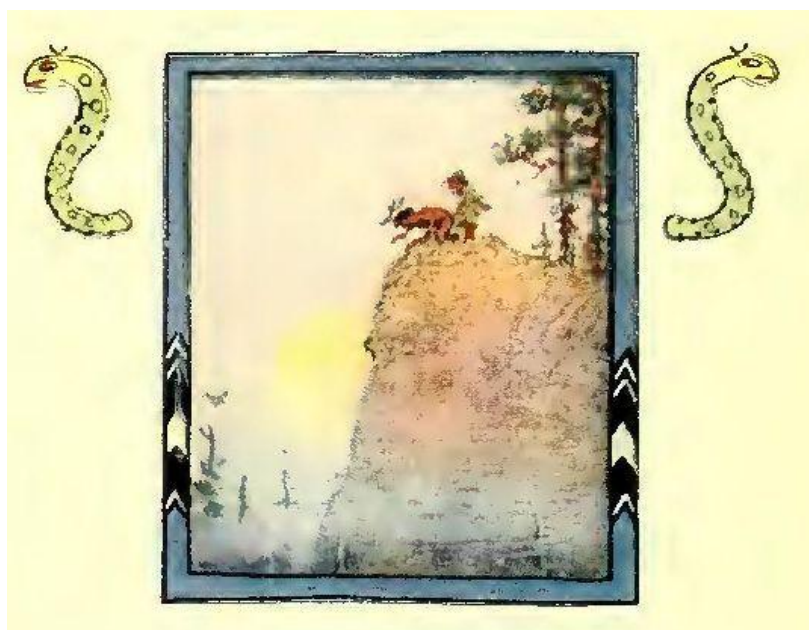
лев, потерпел неудачу, как может такой жалкий маленький ползучий червяк, как ты, надеяться на успех; просто скажи мне это!"

"Это совершенно глупо", - сказал Джек Кролик. "Так оно и есть. Никогда не слышал о таком самомнении".

Однако после долгих разговоров они, наконец, согласились, что не повредит позволить ему попробовать. Итак, Измеряющий Червь медленно добрался до скалы и начал взбираться. Через несколько минут он был выше, чем прыгал Джек Рэббит. Вскоре он был выше, чем лев был в состоянии прыгнуть: вскоре он скрылся из виду.

Измерительному Червю потребовался целый месяц, карабкаясь день и ночь, чтобы достичь вершины волшебной скалы. Добравшись туда, он разбудил маленьких мальчика и девочку, которые были очень удивлены, увидев, где они находятся, и благополучно повел их по тропинке, о которой больше никто ничего не знал. Таким образом, благодаря терпению и настойчивости, слабое маленькое существо смогло

сделай то, чего Медведь, несмотря на все свои размеры, и Лев, несмотря на всю свою силу, никогда бы не смогли сделать вообще. Это было давным-давно; сегодня в долине больше нет ни львов, ни медведей, и никто никогда о них не думает. Но все думают о Мерном Черве, потому что Большой Камень все еще там, и индейцы называли его в его честь. Ту-ток-а-ну-ла, как они это называют, действительно громкое имя для маленького человечка, но ни в коем случае не слишком громкое, если подумать о том большом и храбром поступке, который он совершил.

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Дитя Вечерней Звезды

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Давным-давно на берегу великого озера Гитчи-Гуми жил охотник, у которого было десять прекрасных юных дочерей. Их волосы были темными и блестящими, как крылья черного дрозда, а когда они шли или бежали, это было с грацией и свободой лесных оленей.

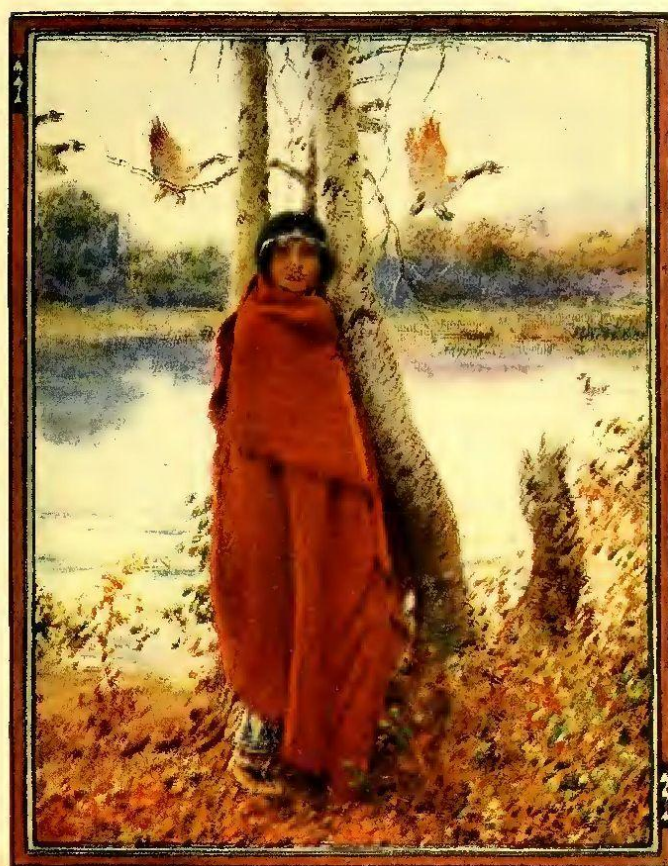
Так случилось, что к ним пришло много женихов — храбрых и красивых молодых людей, прямых, как стрелы, быстроногих, которые могли путешествовать от солнца к солнцу без усталости. Это были сыны прерий, замечательные наездники, способные скакать с головокружительной скоростью без седла и стремян. Они могли поймать дикую лошадь петлей, приручить ее волшебным способом, дыша ей в ноздри, затем вскочить на нее и ускакать галопом, как будто на ней всегда ездил верхом. Были и те, кто приплыл издалека на каноэ по водам Великого озера, каноэ, которые быстро неслись вперед, подгоняемые сильным, бесшумным взмахом весла.

Все они принесли подарки, которыми надеялись снискать расположение отца. Перья из крыльев орла, который парит высоко-высоко над солнцем; меха лисицы и бобра и густая вьющаяся шерсть бизона; разноцветные бусы и вампум, раковины, которые индейцы использовали вместо денег; иглы дикобраза и когти медведя гризли; оленья шкура, выделанная до такой мягкости, что комкалась в руках, — эти и многие другие вещи они принесли с собой.

Одну за другой дочерей сватали и выдавали замуж, пока девять из них не выбрали себе мужей. Одна за другой ставились другие палатки, так что вместо домика для одной семьи на берегу озера стояло столько палаток, что их хватило бы на небольшую деревню. Ибо страна была богатой, и дичи и рыбы там хватало на всех.

Оставалась младшая дочь, Оуини — прекраснейшая из них всех. Какой бы нежной ни была она, ни у кого не было такого доброго сердца. В отличие от своих гордых и разговорчивых старших сестер, Оуини была застенчивой и скромной и говорила очень мало. Она любила бродить в одиночестве по лесу, без компании, кроме птиц, белок и своих собственных мыслей. О чем были эти мысли, мы можем только догадываться; судя по ее мечтательным глазам и милому выражению лица, можно было только предположить, что ей никогда не приходило в голову ничего эгоистичного, подлого или ненавистнического. И все же Оуини, какой бы скромной она ни была, обладала собственным духом. Об этом узнал не один

поклонник. Не один тщеславный молодой человек, уверенный, что сможет завоевать ее, уходил удрученный, когда Оуини начинала смеяться над ним.

She loved to wander
alone in the woods.

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

По правде говоря, Оуини, казалось, было трудно угодить. Поклонник приходил за поклонником — красивые, высокие молодые люди, самые красивые и храбрые во всей округе. Но эта девушка с голубыми глазами не хотела ни одного из них. Один был слишком высоким, другой - слишком низким; один - слишком худым, другой - слишком толстым. По крайней мере, это было оправданием, которое она привела, чтобы отослать их прочь. Ее гордые сестры терпеть ее не могли. Казалось, это ставило под сомнение их собственный вкус; ведь Оуини, произнеси она это слово, могла бы заполучить мужа более привлекательного, чем любой из них. И все же никто не был достаточно хорош. Они не могли понять ее, поэтому в конце концов стали презирать как глупую и неразумную девчонку.

Ее отец, который тоже очень любил ее и желал ей счастья, был сильно озадачен. "Скажи мне, дочь моя, - сказал он ей однажды, - ты хочешь никогда не выходить замуж? Самые

красивые молодые люди в стране искали на тебе руки, а ты отсылала их всех прочь — часто под неубедительным предлогом. Почему это?"

Оуини посмотрела на него своими большими темными глазами.

- Отец, - сказала она наконец. - Не то чтобы я своевольная. Но мне почему-то кажется, что у меня есть сила заглядывать в сердца людей. На самом деле важно сердце мужчины, а не его лицо; и я еще не нашел ни одного юношу, который в этом смысле был бы действительно красив".

Вскоре после этого произошла странная вещь. В маленькую деревню пришел индеец по имени Оссео, на много лет старше Оуини. Он тоже был беден и уродлив. И все же Оуини вышла за него замуж.

Как трепали языками ее девять гордых сестер! Неужели избалованная малышка сошла с ума? они спросили. Ну что ж! Они всегда знали, что она плохо кончит, но это было довольно тяжело для семьи.

Конечно, они не могли знать того, что Оуини разглядела сразу — что у Оссео щедрая натура и золотое сердце; что под его внешним уродством скрывалась красота благородного ума, огонь и страсть поэта. Вот почему Оуини любила его; зная также, что он нуждается в ее заботе, она любила его еще больше.

Теперь, хотя Оуини и не подозревала об этом, Оссео действительно был красивым юношей, на которого были наложены злые чары. На самом деле он был сыном Короля Вечерней Звезды — той Вечерней Звезды, которая так великолепно сияет на западном небосклоне, прямо над краем земли, когда солнце садится. Часто ясным вечером он висел в пурпурных сумерках, как какой-нибудь сверкающий драгоценный камень. Он казался таким близким и таким дружелюбным, что маленькие дети протягивали к нему руки, думая, что смогут схватить его прежде, чем ночь поглотит его, и навсегда сохранить для себя. Но те, кто постарше, сказали бы: "Несомненно, это должна быть бусина на одеянии Великого Духа, когда он прогуливается вечером по небесному саду".

Мало ли они знали, что бедный, презираемый Оссео на самом деле спустился с этой звезды. И когда он тоже растянулся

протягивал к нему руки и бормотал слова, которых они не могли понять, все они смеялись над ним.

Пришло время, когда в соседней деревне был приготовлен большой пир, на который были приглашены все родственники Оуини. Они отправились пешком — девять гордых сестер со своими мужьями шли впереди, очень довольные собой и своим нарядом, и все щебетали, как сороки. Но Оуини молча шла позади, и с ней шел Оссео.

Солнце село; в пурпурных сумерках над краем земли сверкала Вечерняя Звезда. Оссео, остановившись, протянул к нему руки, словно умоляя о пощаде; но когда остальные увидели его в такой позе, они все развеселились, смеялись, шутили и отпускали недобрые замечания.

"Вместо того чтобы смотреть в небо, - сказала одна из сестер, - ему лучше смотреть на землю. Иначе он может споткнуться и сломать шею". Затем, окликнув его, она крикнула: "Осторожно! Вот большое бревно. Как ты думаешь, тебе удастся перелезть через него?"

Осseo ничего не ответил, но, подойдя к бревну, снова остановился. Это был ствол огромного дуба, поваленный ветром. Там он пролежал много лет, точно так же, как и упал; и листья многих летних сезонов густо покрывали его. Однако было одно обстоятельство, которого сестры не заметили.. Ствол дерева был не цельным, а полым и таким большим вокруг, что человек мог пройти внутри него от одного конца до другого, не сугулясь.

Но Осseo не остановился, потому что не мог перелезть через нее. Было что-то таинственное и волшебное во внешнем виде огромного полого ствола; и он долго смотрел на него, как будто увидел во сне и с тех пор искал его.

"В чем дело, Осseo?" - спросила Оуини, дотрагиваясь до его руки. "Ты видишь что-то, чего не вижу я?"

Но Осseo лишь издал крик , который эхом разнесся по

лес, и прыгнула внутрь бревна. Затем, когда Оуини, немного встревоженная, стояла там и ждала, с другого конца появилась фигура мужчины. Мог ли это быть Осseo? Да, это был он — но как преобразился! Больше не сгорбленный и уродливый, больше не слабый и немощный; но прекрасный юноша - энергичный, прямой и высокий. Его очарованию пришел конец.

Но, в конце концов, злые чары были сняты не полностью. Приблизившись, Осseo увидел, что в его любимом человеке происходят большие перемены. Ее блестящие черные волосы поседели, глубокие морщины избороздили лицо; она шла нетвердой походкой, опираясь на посох. Хотя он вернул себе молодость и красоту, она, в свою очередь, внезапно постарела.

"О, моя дорогая!" - воскликнул он. "Вечерняя Звезда посмеялась надо мной, позволив этому несчастью обрушиться на тебя. Гораздо лучше, если бы я остался таким, каким был; я бы с радостью снес оскорбления и смех вашего народа, чем заставил бы страдать вас".

"Пока ты любишь меня, - ответила Оуини, - я совершенно довольна. Если бы у меня была возможность сделать выбор, и только одна из нас могла бы быть молодой и красивой, я бы хотела видеть красивой именно тебя.

Затем он заключил ее в объятия и приласкал, поклявшись, что любит ее больше, чем когда-либо, за доброту сердца; и они пошли вместе, взявшись за руки, как это делают влюбленные.

Когда гордые сестры увидели, что произошло, они едва могли поверить своим глазам. Они с завистью смотрели на Осseo, который теперь был намного красивее любого из их мужей и намного превосходил их во всех других отношениях. В его глазах был чудесный свет Вечерней Звезды, и когда он говорил, все мужчины оборачивались, чтобы послушать и восхититься им. Но жестокосердные сестры не испытывали жалости к Оуини. Действительно, им было довольно приятно видеть, что она больше не может затмевать их красоту, и осознавать, что люди больше не будут петь ей дифирамбы в свои завистливые уши.

Пир был накрыт, и все веселились, кроме Осseo. Он сидел, как во сне, не ел и не пил. Время от времени он пожимал руку Оуини и говорил ей на ухо слова утешения. Но по большей части он сидел там, глядя через дверь палатки на усыпанное звездами небо.

Вскоре во всей компании воцарилось молчание. Из ночи, из темного, таинственного леса доносились звуки музыки — низкой, сладкой музыки, которая была похожа, но в то же

время непохожа на песню, которую пел дрозд в летних сумерках. Это была волшебная музыка, какой никто никогда не слышал, доносившаяся, казалось, издалека, нарастая и затихая в тихий летний вечер. Все присутствующие удивлялись, слушая. И вполне могли! Ибо то, что для них было всего лишь музыкой, для Оссео было голосом, который он понимал, голосом с самого неба, голосом Вечерней Звезды. Вот какие слова он услышал:

"Не страдай больше, сын мой, ибо злые чары рассеяны, и отныне ни один волшебник не причинит тебе вреда. Не страдай больше; ибо пришло время, когда ты покинешь землю и будешь жить здесь, со мной, на небесах. Перед тобой блюдо, на которое упал мой свет, благословляя его и придавая ему волшебную силу. Отведай этого блюда, Оссео, и все будет хорошо.

Итак, Оссео попробовал пищу, стоявшую перед ним, и вот! Палатка задрожала и медленно поднялась в воздух; выше, выше верхушек деревьев — выше, выше, к звездам. По мере того, как она поднималась, предметы внутри нее чудесным образом менялись. Глиняные котлы превратились в серебряные чаши, деревянные блюда — в алые раковины, а кора крыши и поддерживающие ее столбы превратились в какое-то сверкающее вещество, которое сверкало в лучах звезд. Он поднимался все выше и выше. Затем девять гордых сестер и их мужья превратились в птиц. Мужчины стали малиновками, дроздами и дятлами. Сестры превратились в разных птиц с ярким оперением;

четверо, которые болтали больше всех, чьи языки всегда болтали, теперь появились в перьях сороки и сойки.

Оссео сидел, пристально глядя на Оуини. Неужели она тоже превратится в птицу и будет потеряна для него? Сама мысль об этом заставила его скорбно склонить голову; затем, когда он взглянул на нее еще раз, он увидел, что ее красота внезапно восстановилась, а цвет ее одежды был таким, какой бывает только там, где создаются краски радуги.

Снова шатер закачался и затрепетал, когда потоки воздуха понесли его все выше и выше, к облакам; выше, выше, выше — пока, наконец, он мягко не опустился на землю Вечерней Звезды.

Оссео и Оуини поймали всех птиц и посадили их в большую серебряную клетку, где они, казалось, были вполне довольны обществом друг друга. Едва это было сделано, как отец Оссео, Король Вечерней Звезды, вышел поприветствовать их. Он был одет в ниспадающее одеяние, сотканное из звездной пыли, и его длинные белые волосы облаком ниспадали на плечи.

"Добро пожаловать, — сказал он, — мои дорогие дети. Добро пожаловать в небесное царство, которое всегда ожидало вас. Испытания, через которые вы прошли, были горькими, но вы перенесли их мужественно, и теперь вы будете вознаграждены за все ваше мужество и преданность. Здесь ты будешь жить счастливо, но все же ты должен остерегаться одной вещи".

Он указал на маленькую звездочку вдалеке — маленькую мигающую звездочку, время от времени скрываемую облаком пара.

"На этой звезде, — продолжал он, — живет волшебник по имени Вабено. У него есть сила метать свои лучи, подобно множеству стрел, в тех, кого он хочет ранить. Он всегда был моим врагом; это он превратил Оссео в старика и поверг его на землю. Позаботься о том, чтобы его свет не падал на тебя. К счастью, его способность творить зло была значительно ослаблена, ибо дружественные облака пришли мне на помощь,

и образуют завесу из пара, сквозь которую его стрелы не смогут пробиться.

Счастливая пара упала на колени и в знак благодарности поцеловала ему руки.

"Но эти птицы", - сказал Осseo, вставая и указывая на клетку. "Это тоже работа Вабено, волшебника?"

"Нет", - ответил Король Вечерней Звезды. "Это была моя собственная сила, сила любви, которая заставила твой шатер подняться и перенести тебя сюда. Точно так же моей силой завистливые сестры и их мужья были превращены в птиц. Из-за того, что они ненавидели тебя и насмеялись над тобой, были жестоки и презрительны к слабым и старым, я сделал это. Это не такое большое наказание, какого они заслуживают. Здесь, в серебряной клетке, они будут достаточно счастливы, гордясь своим красивым оперением, расхаживая и щебеча сколько душе угодно. Повесьте клетку вон там, у входа в мое жилище. О них будет хороший уход".

Так случилось, что Осseo и Оуини стали жить в королевстве Вечерней Звезды; и с годами маленькая мерцающая звездочка, на которой жил волшебник Вабено, становилась все бледнее, тусклее и тусклее, пока совсем не утратила свою пагубную силу. Тем временем появился маленький сын, который сделал их счастье еще более совершенным, очаровательный мальчик с темными, мечтательными глазами своей матери и силой и мужеством Осseo.

Это было чудесное место для маленького мальчика — рядом со звездами и луной, с небом так близко, что оно казалось чем-то вроде занавески для его кровати, и вся слава небес расстилалась перед ним. Но иногда ему было одиноко, и он задавался вопросом, на что похожа Земля — Земля, с которой пришли его отец и мать. Он мог видеть ее далеко—далеко внизу - так далеко, что она казалась не больше апельсина; и иногда он протягивал к ней руки, точно так же, как маленькие дети на земле протягивают руки к Луне.

Отец сделал ему лук с маленькими стрелами, и это доставило ему большое удовольствие. Но все равно ему было одиноко, и он задавался вопросом, что делают маленькие мальчики и девочки на земле и приятно ли с ними играть. Земля, должно быть, красивое место, подумал он, раз на ней живет так много людей. Мать рассказывала ему странные истории об этой далекой стране с ее прекрасными озерами и реками, огромными зелеными лесами, где водились олени и белки, и желтыми холмистыми прериями, кишачими бизонами.

Ему сказали, что и эти птицы в большой серебряной клетке пришли с Земли; и там были тысячи и тысячи точно таких же, как они, а также другие, еще более красивые, которых он вообще никогда не видел. Лебеди с длинными изогнутыми шеями, которые грациозно плыли по воде; бедняги-хлысты, которые кричали по ночам из леса; малиновки, голубки и ласточки. Какие это, должно быть, чудесные птицы!

Иногда он сидел возле клетки, пытаясь понять язык пернатых существ внутри. Однажды ему в голову пришла странная идея. Он откроет дверцу клетки и выпустит их. Затем они улетят обратно на Землю и, возможно, заберут его с собой. Когда его отец и мать хватятся его, они обязательно последуют за ним на Землю, и тогда...

Он не мог до конца представить, чем все это закончится. Но он оказался совсем рядом с клеткой, и первое, что он осознал, это то, что он открыл дверцу и выпустил всех птиц. Они

летали круг за кругом; и теперь ему было наполовину жаль, но и немного страшно. Если бы птицы улетели обратно на Землю и оставили его там, что бы сказал его дедушка?

"Вернись, вернись!" - звал он.

Но птицы только летали вокруг него кругами, не обращая на него никакого внимания. В любой момент они могли устремиться к Земле.

- Вернись, говорю тебе! - закричал он, топнув ногой и размахивая своим маленьким луком.
- Вернись, я говорю, или я пристрелю тебя.

Затем, поскольку они не захотели повиноваться ему, он вложил стрелу в свой лук и пустил ее в полет. Он так хорошо прицелился, что стрела пробила оперение птицы, и перья посыпались со всех сторон. Сама птица, немного оглушенная, но не сильно пострадавшая, упала, и тонкая струйка крови окрасила землю там, где она лежала. Но это уже не была птица со стрелой в крыле; вместо нее на ее месте стояла красивая молодая женщина.

Так вот, никому из живущих на звездах никогда не разрешается проливать кровь, будь то кровь человека, зверя или птицы. Поэтому, когда несколько капель упали на Вечернюю Звезду, все изменилось. Мальчик внезапно обнаружил, что медленно опускается вниз, поддерживаемый невидимыми руками, но все же опускаясь все ближе и ближе к Земле. Вскоре он увидел его зеленые холмы и лебедей, плавающих по воде, пока, наконец, не остановился отдохнуть на травянистом острове в большом озере. Лежа там и глядя в небо, он тоже видел, как опускается палатка. Он тихо дрейфовал вниз, пока, в свою очередь, не опустился на остров; и в нем были его отец и мать, Оссео и Оуини, вернувшиеся на землю, чтобы снова жить среди мужчин и женщин и учить их, как жить. Ибо они многому научились за свою жизнь на Вечерней Звезде; и детям Земли было бы лучше узнать об этом.

Пока они стояли там, рука об руку, все зачарованные птицы порхали следом, падая и порхая по воздуху. Затем, когда каждый из них коснулся Земли, они увидели уже не птицу, а человека. Человеческое существо, но не совсем такое, как раньше; потому что теперь они были всего лишь карликами, Маленькими Людьюми или пигмеями; Пук-вуджи, как называли их индейцы. Они стали Маленькими Счастливыми Людьюми, которых видели лишь немногие. Говорят, рыбаки иногда могли мельком увидеть их танцующими в свете Вечерней Звезды летней ночью на ровном песчаном пляже Большого озера.

Мальчик , поймавший Солнце в Ловушку

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

ГЛУБОКИЙ, покрытый коркой снег покрывал землю и искрился в свете зимней луны. Ветер стих; было очень холодно и тихо. Из леса не доносилось ни звука; единственным звуком, нарушавшим совершенную тишину ночи, был треск льда на Большой морской воде Гитче-Гуми, которая теперь замерзла намертво.

Но в вигваме старого Ягу было тепло и весело. Вигвам, как индейцы называют палатку, был покрыт толстой, жесткой шкурой буйвола; зимняя шкура Мук-ва, медведя, теперь превратилась в приятный мягкий коврик для двух юных посетителей Ягу, Утренней Славы и ее младшего брата Орлиного Пера. Непринужденно устроившись на корточках на теплом меху, они ждали, когда старик заговорит.

Вдруг белоногая мышь выползла из своего гнезда в углу и, приблизившись к детям, села на задние лапки, как собака, выпрашивающая печенье. Орлиное Перо угрожающе поднял руку, но Утренняя Слава поймала его за руку.

- Нет, нет! - сказала она. - Ты не должен причинять ему вреда. Посмотри, какой он дружелюбный и ни капельки не боится. В лесу достаточно дичи для лука и стрел храброго мальчика. Зачем ему тратить свои силы на слабого мышонка?"

Орлиное Перо, довольный всем, что казалось похвалой его силе, опустил руку.

"Твои слова - истинные слова, Утренняя Слава", - ответил он. - Мне лучше помериться своим охотничьим мастерством с Ахмиком, бобром, или Вау-бе-се, диким лебедем.

При этих словах Ягу, обернувшись, нарушил свое долгое молчание. "Было время, - загадочно сказал он, - когда тысяча таких мальчишек, как Орлиное Перо, не смогли бы сравниться с этим мышонком, каким он был раньше".

- Когда это было? - спросил Орлиное Перо, с тревогой глядя на сестру.

- Во времена великой Сони, - ответил Ягу. "В те дни, давным-давно, когда на земле было намного больше животных, чем людей, и самым большим из всех зверей была Соня. Затем произошло нечто странное — то, чего никогда не случалось ни до, ни после. Хочешь, я расскажу тебе об этом?"

-О, пожалуйста, сделай это! - взмолилась Утренняя Слава.

"История, которую я собираюсь вам рассказать, - начал Ягу, - это не столько история о Соне, сколько история о маленьком мальчике и его сестре. И все же, если бы не Соня, меня не было бы здесь, чтобы рассказать об этом, а вас не было бы здесь, чтобы слушать.

"Для начала вы должны понять, что мир в те дни отличался от того, что он представляет собой сейчас.

О да, совсем другое место. Люди не ели мясо животных. Они питались ягодами, кореньями и дикорастущими овощами. Великий Дух, сотворивший все сущее на земле, в небе и воде, еще не дал людям Мон-да-мин, индийскую кукурузу. Не было огня, чтобы согреть их или приготовить на нем пищу. Во всем мире был только один маленький костер, за которым следили две старые ведьмы, которые никого не подпускали к нему; и пока не появился койот, степной волк, и не украл немного этого костра, пищу, которую людям удавалось добыть, ели сырой, в том виде, в каком она росла".

"Они, должно быть, были очень голодны", - сказала Утренняя Слава.

- О да, они были голодны, - согласился Ягу. - Но это было еще не все. Там было так много животных и так мало людей,

что животные правят землей по-своему. Самым крупным из них был Бош-ква-дош, мастодонт. Он был выше самых высоких деревьев, и у него был огромный аппетит. Но он недолго пробыл на земле, иначе там не хватило бы пищи даже для других животных".

The biggest of them all was
Bosh-kwa-dosh, the Mastodon.

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

- Мне показалось, ты говорил, что Соня самая большая, - перебил Орлиное Перо.

Ягу сурово посмотрел на него.

"В то время, о котором я говорю, - продолжал он, - Бош-ква-дош, Мастоdont, только что ушел. К тому же он ушел не слишком рано, потому что к этому времени на всей земле остались только молодая девушка и ее младший брат".

"Как Орлиное Перо и я?" - спросила Утренняя Слава. "Девушка была очень похожа на тебя", - терпеливо объяснил Ягу. "Но мальчик был карликом, который так и не вырос выше трех футов в высоту. Будучи намного сильнее и крупнее своего брата, она собирала всю еду для обоих и всячески заботилась о нем. Иногда она брала его с собой, когда отправлялась за ягодами и кореньями. "Он такой маленький мальчик, - сказала она себе, - что, если я оставлю его совсем одного, какая-нибудь большая птица может налететь и унести его в свое гнездо".

Она не знала, каким странным мальчиком он был и сколько зла мог натворить, когда задумывался об этом. Однажды она сказала ему: "Смотри, братишка! Я сделала тебе лук и

несколько стрел. Пора тебе научиться заботиться о себе; поэтому, когда меня не станет, потренируйся в стрельбе, потому что это то, что ты должен уметь делать.

Приближалась зима, и, чтобы не замерзнуть, у мальчика не было ничего лучше легкой одежды, сотканной его сестрой из диких трав. Где он мог раздобыть теплое пальто? Пока он задавал себе этот вопрос, неподалеку слетела стая снежных птиц и принялась клевать упавшие бревна в поисках червей. "Ха!" - сказал он. - Их перья

из этого получился бы отличный плащ. Натянув лук, он выпустил стрелу; но он еще не научился метко стрелять. Пуля прошла мимо цели. Он выстрелил во вторую, потом в третью; тогда птицы испугались и улетели.

Каждый день он пробовал снова - стрелял в дерево, когда целиться было не во что. Наконец он убил снежную птицу, потом еще и еще. Когда он подстрелил десять птиц, с него было достаточно. "Смотри, сестра, - сказал он, - я не замерзну. Теперь ты можешь сшить мне пальто из шкур этих маленьких птичек.

Тогда его сестра сшила шкуры вместе и сшила ему пальто, первое теплое зимнее пальто, которое у него когда-либо было. На это было приятно смотреть, а перья защищали от холода. Эх-да! он гордился этим! Со своим луком и стрелами он расхаживал взад-вперед, как маленький индюк. - Это правда? - спросил он. - Что мы с тобой единственные люди, живущие на земле? Возможно, если я осмотрюсь, то смогу найти кого-нибудь другого. Попробовать не повредит".

- Его сестра боялась, что с ним что-нибудь случится, но он решил посмотреть мир своими глазами и отправился в путь. Но ноги у него были короткие, он не привык далеко ходить пешком и вскоре устал. Когда он добрался до голого места на краю холма, где солнце растопило снег, он лег и вскоре крепко уснул.

Пока он спал, солнце сыграло с ним злую шутку. Был теплый зимний день. Птичьи шкурки, из которых была сделана шубка, были еще свежими и нежными, и под ярким солнцем они начали сморщиваться. "Э-э-эх! Что случилось? - пробормотал он во сне, чувствуя, как пальто становится все теснее и теснее. Затем он проснулся, вытянул руки и увидел, что произошло.

Солнце уже почти садилось. Мальчик встал, повернулся лицом к солнцу и потряс своим маленьким кулачком. - Смотрите, что вы наделали! - воскликнул он, топнув ногой. - Вы испортили мою новую птичью шубку. Неважно! Вы думаете, что

там, наверху, вне моей досягаемости; но я отомщу тебе. Просто подожди и увидишь!"

"Но как он мог добраться до солнца?" - спросила Ипомея, ее глаза становились все круглее и круглее.

- Именно это спросила его сестра, когда он рассказал ей об этом, - сказал Ягу. - И что, по-твоему, он сделал? Сначала он вообще ничего не делал, только растянулся на земле, где пролежал десять дней без еды и движения. Затем он перевернулся на другой бок и пролежал там еще десять дней. Наконец он поднялся на ноги. "Я принял решение", - сказал он. "Сестра, у меня есть план поймать солнце в петлю. Найди мне какую-нибудь веревку, из которой я смогу сделать силок". "Она набрала немного жесткой травы и скрутила ее в веревку. "Так не пойдет", - сказал он. - Ты должен найти что-нибудь покрепче. - Он больше не говорил как маленький мальчик, а как человек, которого нужно слушаться. Затем его сестра подумала о

своих волосах. Она отрезала от своей головы достаточно, чтобы сделать шнурок, и когда она заплела его, он был очень доволен и сказал, что сойдет. Он взял его у нее и зажал между губами, и когда он это сделал, он превратился в нечто вроде металла и стал намного прочнее и длиннее, пока его не стало так много, что он обмотал им свое тело.

Посреди ночи он пробрался на холм и там привязал петлю к тому месту, где должно было взойти солнце. Ему пришлось долго ждать в холоде и темноте. Но наконец на небе забрезжил слабый свет. Когда взошло солнце, его крепко затянули в петлю, и там он и остался".

Ягу замолчал и сидел, глядя в огонь. Можно было бы предположить, что, когда он делал это, он видел картинки в пламени и на красных углях, и что эти картинки помогли ему рассказать историю. Но Утренней Славе не терпелось услышать остальное.

"Ягооо", - наконец робко сказала она. "Ты забыл о Соне?"

- Э-э-эх! соня! Нет. Я не забыл, - ответил старик, приходя в себя. "Когда солнце не взошло, как обычно, животные не могли понять, что произошло. Белка Ад-джи-дау-мо щебетала и бранилась с ветки сосны. Ворон Ка-га-ги захлопал крыльями и каркнул еще более хрипло, чем когда-либо, чтобы сообщить остальным, что наступил конец света. Только медведь Мук-ва не возражал. Он забрался на зиму в свою пещеру, и чем темнее там было, тем больше ему там нравилось.

Ва-бун, Восточный Ветер, принес эту весть. Он достал из своего колчана серебряные стрелы, которыми прогнал тьму из долин. Но солнце не взошло, чтобы помочь ему, и стрелы безвредно упали на землю. - Проснись, проснись! - завопил он. - Кто-то поймал солнце в ловушку. Кто из всех животных осмелится перерезать пуповину?"

Но даже Койот, степной волк, который был самым мудрым из них всех, не мог придумать, как освободить солнце. Так велик был жар, испускаемый его лучами, что он не мог приблизиться на расстояние полета стрелы к тому месту, где она была крепко запутана в волшебной петле из волос.

"Предоставьте это мне!" - закричал кен-ю, боевой орел, из своего гнезда на утесе. "Я один парю в небе и смотрю солнцу в лицо, не моргая. Предоставь это мне!"

Он бросился вниз сквозь тьму и снова полетел вверх, с опаленными орлиными перьями. Потом они разбудили Соню. Им было нелегко это сделать, потому что, когда он однажды заснул, он проспал шесть месяцев, и разбудить его было почти невозможно. Койот подкрался к его уху и завыл изо всех сил. Это разорвало бы барабанную перепонку почти у любого другого животного. Но Куг-и-беен-гва-ква, Соня, только застонала и перевернулась на другой бок.

бок, и Койот едва избежал того, чтобы его размяли в лепешку, как кукурузную лепешку.

"Есть только одна вещь, которая может его разбудить", - сказал Койот, вставая и отряхиваясь. "Я побегу в горную пещеру Ан-не-ми-ки, Грома. Его голос еще ужаснее моего". И он помчался галопом.

Вскоре они слышали приближение Ан-не-ми-ки. Бум, бум! Когда он крикнул в ухо Соне, самый большой зверь на земле медленно поднялся на ноги. В темноте он казался больше,

чем когда-либо, почти таким же большим, как гора. Ан-не-ми-ки, Гром, крикнул еще раз, чтобы убедиться, что Соня действительно проснулась и больше не заснет.

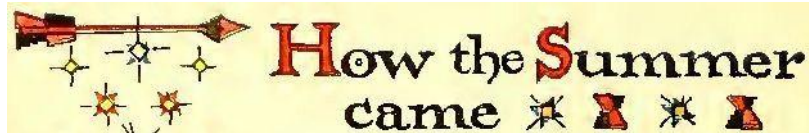
"Теперь, - сказал Койот Соне, - именно тебе придется освободить солнце. Если бы он сжег одного из нас, от него мало что осталось бы, кроме костей. Но ты такой большой, что если часть тебя сжечь, то все равно останется достаточно. Тогда вам не пришлось бы так много есть или так усердно работать, чтобы получить это".

"Соня была глупым животным, а болтовня Койота казалась настоящей болтовней. Кроме того, поскольку он был самым большим животным, от него ожидали самых больших поступков. Поэтому он направился к холму, где маленький мальчик поймал солнце в ловушку, и начал грызть петлю. По мере того, как он грыз петлю, его спине становилось все жарче и жарче. Вскоре он начал гореть, пока вся верхняя часть его тела не сгорела дотла и не превратилась в огромные кучи пепла. Наконец, когда он перерезал зубами веревку и выпустил солнце на свободу, все, что от него осталось, было животным размером не больше обычной мыши. Каким он стал тогда, таким он является и сегодня. Тем не менее, он достаточно велик для мыши; и, возможно, именно это Койот на самом деле имел в виду. Койот, степной волк, - хитрый зверь, способный на множество трюков, и не всегда легко точно сказать, что он имеет в виду".

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Как наступило лето

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

МОРНИНГ Глори устала от зимы и с нетерпением ждала прихода весны. Иногда казалось, что Ка-биб-он-окка, свирепый старый Северный Ветер, никогда не вернется в свой дом в Стране Льдов. Своим холодным дыханием он намертво заморозил Воду Большого моря, Гитче-Гуми, и покрыл ее глубоким снегом, так что нельзя было отличить Большое озеро от суши.

За исключением прекрасных зеленых сосен, весь мир был белым — ослепительный, безмолвный мир, в котором не было ни музыкального журчания вод, ни пения птиц.

- Неужели О-пи-чи, малиновка, никогда больше не придет? - вздохнула Утренняя Слава. - Предположим, что нигде не было лета и не было Ша-вон-даси, Южного Ветра, который принес бы фиалку и голубку. О, Ягу, разве это не было бы ужасно?"

"Наберись терпения, Ипомея", - ответил старик. "Скоро ты услышишь Ва-ва, дикого гуся, летящего высоко на Север. Я прожил много лун. Иногда кажется, что он долго не приходит, но он всегда приходит. Когда ты слышишь его зов, О-пи-чи, малиновка, не отстает."

"Я постараюсь быть терпеливым", - сказал Ипомея. "Но Ка-биб-он-окка, Северный ветер, такой сильный и свирепый. Я не могу перестать задаваться вопросом, было ли когда-нибудь время, когда его власть была настолько велика, что он навсегда поселился здесь как дома. Меня бросает в дрожь при мысли об этом!"

Ягу поднялся со своего места у огня и отодвинул в сторону занавеску из бизоньей шкуры, закрывавшую дверной проем. Он указал на небо — чистое, усыпанное звездами.

- Смотри! - сказал он. - Вон там, на севере. Видишь это маленькое скопление звезд. Вы знаете, как мы это называем?

- Я знаю, - сказал Орлиное Перо. - Это О-джиг Ан-нунг — звезды-Рыбаки. Если ты посмотришь направо, то увидишь, как они формируют тело Рыбака. Он распростерт, со стрелой в хвосте. Смотри, сестра!"

- Рыбак, - повторил Морнинг Глори. - Ты имеешь в виду маленького пушистого зверька, что-то вроде лисы? А Мартен - это другое название для него?

"Вот и все", - сказал Орлиное Перо.

- Да, я понимаю, - кивнул Морнинг Глори. "Но почему Рыболов распластался вот так, в небе, со стрелой, торчащей из его хвоста?"

"Я не знаю точно, почему", - признался Орлиное Перо. "Я предполагаю, что какой-то охотник преследовал его. Возможно, Ягу сможет нам рассказать.

Ягу задернул занавеску и вернулся к огню.

"Ты думал, что, возможно, было время, когда на земле не было лета", - сказал он Морнинг Глори. "И ты был прав. Пока О-джиг, Рыболов, не нашел способ спускать лето с неба, земля повсюду была покрыта снегом, и всегда было холодно. Если бы О-джиг не был готов отдать свою жизнь, чтобы всем нам было тепло, Ка-биб-он-окка, Северный Ветер, правил бы миром, как сейчас он правит Страной Льда".

Затем Ипомея и Орлиное Перо сели на мягкий ковер, который когда-то был зимней шерстью медведя Мук-ва, и Ягу рассказал им историю о том, Как наступило Лето:

В диком лесу, граничащем с Великим озером, когда-то жил могучий охотник по имени О-джиг. Никто не знал леса так хорошо, как он; там, где другие заблудились бы, не имея тропы, которая вела бы их, он находил дорогу легко и быстро, днем или ночью, сквозь непроходимую путаницу деревьев и подлеска. Куда бежал благородный олень, он следовал за ним; медведь не мог убежать

его стремительное преследование. У него была хитрость лисы, выносливость волка, скорость дикой индейки, когда она бежит на запах опасности.

Когда О-джиг пускал стрелу, она всегда попадала в цель. Когда он отправлялся в путешествие, ни буря, ни снег не могли повернуть его вспять. Он сделал все, что обещал, и сделал это хорошо.

Таким образом, некоторые люди пришли к убеждению, что О-джиг - это Манито - индийское имя того, кто обладает магической силой. Одно было несомненно: всякий раз, когда О-джиг желал этого, он мог превратиться в маленькое животное, известное как Рыбак, или Куница.

Men came to believe that
O-jeeg was a Manito.....

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Возможно, именно поэтому он был в таких дружеских отношениях с некоторыми животными, которые всегда были готовы помочь ему, когда он обращался к ним. Среди них были выдра, бобр, рысь, барсук и росомаха. Как мы увидим, наступил момент, когда он остро нуждался в их услугах, и они не замедлили прийти ему на помощь.

УО-джига была жена, которую он нежно любил, и тринадцатилетний сын, который обещал стать таким же великим охотником, как его отец. Он уже показал большое мастерство владения луком и стрелами; если какой-нибудь несчастный случай помешает О-джигу снабжать семью дичью, которой они питались, его сын был уверен, что он сам сможет настрелять столько белок и индеек, сколько им понадобится, чтобы не умереть с голоду. Благодаря О-джигу, который принес им оленины, медвежатины и дикой индейки, еды у них было вдоволь. Если бы не холод, мальчик был бы вполне счастлив. У них была теплая одежда, сшитая из оленьих шкур и мехов; чтобы поддерживать огонь, у них были все дрова в

лесу. И все же, несмотря на это, холод был тяжким испытанием, потому что всегда стояла зима, и глубокий снег никогда не таял.

Какие-то мудрые старики где-то слышали, что небо - это не только крыша нашего собственного мира, но и дно прекрасного мира за его пределами; земли, где живут птицы с яркими перьями

сладко пели в течение приятного, теплого сезона, называемого Летом. Это была красивая история, в которую люди хотели верить; и вполне вероятно, говорили они, когда начинаешь думать, что солнце находится так далеко от земли и так близко к самому небу.

Мальчик часто мечтал об этом и задавался вопросом, что можно было бы сделать. Его отец мог делать все; некоторые люди говорили, что он Манито. Возможно, он смог бы найти какой-нибудь способ принести лето на землю. Это было бы величайшим достижением из всех.

Иногда было так холодно, что, когда мальчик уходил в лес, у него обмораживались пальцы. Потом он не смог прикрепить наконечник своей стрелы к тетиве и был вынужден вернуться домой без всякой дичи. Однажды он забрел далеко в лес и возвращался с пустыми руками, когда увидел рыжую белку, сидящую на задних лапах на пне дерева. Белка грызла сосновую шишку и не пыталась убежать, когда молодой охотник приблизился. Тогда зверек заговорил:

"Внук мой, - сказал он, - я хочу сказать тебе кое-что, что тебе будет приятно услышать. Убери свои стрелы и не пытайся стрелять в меня, и я дам тебе несколько хороших советов.

Мальчик был удивлен, но снял тетиву с лука и положил стрелу в колчан.

"А теперь, - сказала белка, - слушай внимательно, что я тебе скажу. Земля всегда покрыта снегом, мороз кусает пальцы и делает тебя несчастной. Я не люблю холод так же сильно, как и ты. По правде говоря, в этих лесах мне почти нечего есть, земля все время промерзает. Вы можете видеть, какой я худой, потому что в сосновой шишке не так уж много съедобного. Если бы кому-нибудь удалось вызвать Лето с неба, это было бы великим благословением ". "Значит, это действительно правда, - спросил мальчик, - что за небом есть приятная теплая земля, где зима длится всего несколько лун?"

"Да, это правда", - сказала белка. "Мы, животные, знаем это уже давно. Кен-ю, боевой орел, парящий рядом с солнцем, однажды увидел небольшую трещину в небе. Трещина была образована Вэй-васс-и-мо, Молнией, во время сильной бури, которая покрыла всю землю водой. Кен-ю, боевой орел, почувствовал, как сквозь него просачивается теплый воздух; но люди, живущие наверху, в следующий же момент заделали трещину, и небо больше никогда не просачивалось ".

"Значит, наши мудрые старики были правы", - сказал мальчик. "О-джиг, мой отец, может делать почти все, что ему взбредет в голову. Как ты думаешь, если бы он как следует постарался, то смог бы пролететь сквозь небо и принести к нам Лето?"

"Конечно!" - воскликнула белка. "Вот почему я заговорила с тобой об этом. Твой отец - манито. Если вы будете умолять его достаточно усердно и скажете, как вы несчастливы, он обязательно сделает попытку. Когда вы вернетесь, покажите ему свои обмороженные пальцы. Расскажи ему, как ты весь день брел по снегу и как трудно было добираться домой. Скажи ему, что однажды ты можешь окоченеть и вообще никогда не вернуться. Тогда он сделает так, как ты просишь, потому что он тебя очень любит".

Мальчик поблагодарил белку и пообещал последовать ее совету. С того дня он не давал отцу покоя. Наконец О-джиг сказал ему:

"Сын мой, то, о чем ты просишь меня, опасно, и я не знаю, что из этого может получиться. Но моя сила Манито была дана мне для благой цели, и я не могу найти ей лучшего применения, чем попытаться вернуть Лето с неба и сделать мир более приятным местом для жизни ". Затем он приготовил пир, на который пригласил своих друзей, выдру, бобра, рысь, барсука и росомаху; и все они объединили свои усилия, чтобы решить, что лучше всего сделать. Первой заговорила рысь. Он много путешествовал на своих длинных ногах и побывал во многих незнакомых местах.

Кроме того, если у вас были хорошие зоркие глаза, и вы смотрели на небо ясной ночью, когда не было луны, вы могли увидеть маленькую группу звезд, которая, по словам мудрых стариков, была точь-в-точь как у рыси. Это придавало ему определенную значимость, особенно в вопросах такого рода; поэтому, когда он начал говорить, остальные слушали с большим уважением.

"Там есть высокая гора, - сказал он, - которую никто из вас никогда не видел. Никто никогда не видел ее вершины, потому что она всегда скрыта облаками; но мне сказали, что это самая высокая гора в мире, она почти касается неба".

Выдра начала смеяться. Он - единственное животное, которое может это делать; иногда он смеется без особой причины, если только это не связано с тем, что он считает себя умнее других животных и любит "покрасоваться".

"Над чем ты смеешься?" - спросила рысь.

"О, ничего", - ответила выдра. "Я просто смеялась". "Когда-нибудь у тебя из-за этого будут неприятности", - сказала рысь. "Только потому, что ты никогда не слышал об этой горе, ты думаешь, что ее там нет".

- Ты знаешь, как туда добраться? - спросила О-джиг. - Если бы мы смогли взобраться на вершину, то, возможно, нашли бы способ пробиться сквозь небо. Мне кажется, это хороший план.

"Именно об этом я и думал", - сказал рысь. "Это правда, я точно не знаю, где это находится. Но на расстоянии полета луны отсюда живет Манито, имеющий облик великана. Он знает и мог бы нам рассказать.

Итак, О-джиг попрощался со своей женой и маленьким сыном, и на следующий день рысь пустилась в долгий путь, а О-джиг и остальные последовали за ней по пятам. Все было именно так, как сказала рысь. Когда они шли день и ночь, целую луну, они пришли к хижине, как белые люди называют палатку индейца; и в дверях стоял Манито. Это был странного вида человек, какого они никогда раньше не видели, с огромной головой

и три глаза, причем один глаз располагался у него на лбу над двумя другими.

Он пригласил их в вигвам и поставил перед ними немного мяса; но у него был такой странный вид, а движения его были такими неуклюжими, что выдра не смогла удержаться от смеха. При этих словах глаз на лбу Манито покраснел, как раскаленный уголь, и он прыгнул на выдру, которая едва успела проскользнуть в дверной проем, в пронизывающий холод и темноту ночи, так и не отведав ни кусочка ужина.

Когда выдра ушла, Манито, казалось, был доволен и сказал им, что они могут переночевать в его вигваме. Они так и сделали; и О-джиг, который бодрствовал, пока его друзья спали, заметил, что только два глаза Манито были закрыты, в то время как один у него на лбу оставался широко открытым.

Утром Манито сказал О-джигу, чтобы он шел прямо к Полярной Звезде и что через двадцать солнц — индейское название дней — они достигнут горы. "Поскольку ты сам Манито, - сказал он, - возможно, ты сможешь взобраться на вершину и прихватить с собой своих друзей. Но я не могу обещать, что вы снова сможете спуститься".

"Если это достаточно близко к небу, - ответила О-джиг, - это все, о чем я прошу".

Они снова отправились в путь. По пути они встретили выдру, которая снова засмеялась, увидев их; но на этот раз он смеялся потому, что был рад найти их и получить немного мяса, которое О-джиг сохранил от ужина Манито.

Через двадцать дней они подошли к подножию горы. Затем они поднимались все выше и выше, пока не прошли совсем сквозь облака; еще раз вверх, пока, наконец, не остановились, совсем запыхавшись, и не присели отдохнуть на самой высокой вершине в мире. К их великому восторгу, небо казалось таким близким, что они могли почти дотронуться до него.

О-джиг и его товарищи набили трубки. Но прежде чем закурить, они воззвали к Великому Духу, прося успеха

в своей попытке. На индийский манер они указывали на землю, на небо над головой и на четыре ветра.

- Итак, - сказал О-джиг, когда они докурили, - кто из вас может прыгнуть выше всех?

Выдра ухмыльнулся.

- Тогда прыгай! - скомандовал О-джиг.

Выдра подпрыгнул, и, конечно же, его голова ударилась о небо. Но небо было тяжелее из двух, и он упал обратно, ударившись о землю, и начал сползать с горы; вскоре он скрылся из виду, и они его больше не видели.

- Фу! - проворчала рысь. - Он смеется другой стороной рта.

Настала очередь бобра. Он тоже попал в небо, но свалился кучей. Барсуку и рыси повезло не больше, и после этого у них еще долго болели головы.

"Все зависит от тебя", - сказал О-джиг росомахе. "Ты самый сильный из них. Теперь готовься — прыгай!" Росомаха подпрыгнул и упал, но тут же встал на ноги, здоровый и невредимый.

- Отлично! - воскликнул О-джиг. - Попробуй еще раз!

На этот раз росомаха оставила в небе вмятину.

"Это треск!" - воскликнул О-джиг. "Ну-ка, еще раз!" росомаха прыгнула в третий раз. Он взмыл в небо, скрывшись из виду, и О-джиг быстро последовал за ним.

Оглядевшись вокруг, они увидели прекрасную землю.

О-джиг, проведший свою жизнь среди снегов, стоял, как человек, который видит сны и гадает, может ли это быть правдой. Он оставил позади себя голый мир, белый от зимы, чьи воды всегда были замерзшими, мир без песен и красок. Теперь он прибыл в страну, которая представляла собой огромную зеленую равнину, усеянную цветами многих оттенков; где птицы с ярким оперением пели среди покрытых листвой ветвей деревьев, увешанных золотистыми плодами. Ручьи текли по лугам и впадали в

прекрасные озера. Воздух был мягким и наполненным ароматом миллиона цветов. Стояло лето.

Вдоль берегов озера стояли хижины, в которых жили люди неба, которых можно было разглядеть на некотором расстоянии. Домики были пусты, но перед ними висели клетки, в которых было много красивых птиц. Теплый летний воздух уже начал проникать через отверстие, проделанное росмахой, и О-джиг поспешил открыть клетки, чтобы птицы могли последовать за ним.

Обитатели неба увидели, что происходит, и подняли громкий крик. Но весна, Лето и осень уже вырвались через отверстие в нижний мир, и многие птицы тоже.

Росомахе тоже удалось добраться до норы и спуститься на землю, прежде чем небесные жители смогли поймать ее. Но О-Джигу повезло меньше. Оставалось еще несколько птиц, на которых, как он знал, его сын хотел бы посмотреть, поэтому он продолжал открывать клетки. К этому времени небесные обитатели закрыли дыру, и О-джиг опоздал.

Пока небесные жители преследовали его, он превратился в Рыбака и со всех ног помчался по равнине на Север. В форме Рыбака он мог бегать быстрее. Кроме того, когда он принимал эту форму, никакая стрела не могла ранить его, если только она не попадала в точку возле кончика его хвоста.

Но небесные жители побежали еще быстрее, и Рыболов взобрался на высокое дерево. Они были хорошими стрелками и выпустили великое множество стрел, пока, наконец, одна из них случайно не попала в роковое место. Тогда Рыбак понял, что его время пришло.

Теперь он увидел, что некоторые из его врагов были отмечены тотемами, или фамильными гербами, его собственного племени. "Мои кузены!" он позвал их. - Я умоляю тебя, уходи и оставь меня здесь одну.

Обитатели неба исполнили его просьбу. Когда они ушли, Рыбак спустился с дерева и побрел

некоторое время он ходил вокруг да около, ища какое-нибудь отверстие на равнине, через которое он мог бы вернуться на землю. Но отверстия не было; так что, наконец, чувствуя слабость и изнеможение, он растянулся плашмя на полу неба, сквозь которое из нижнего мира были видны звезды.

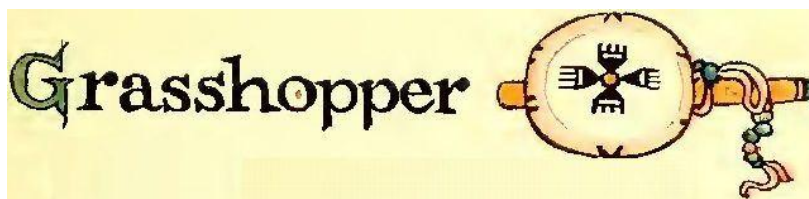
"Я сдержал свое обещание", - сказал он со вздохом удовлетворения. "Теперь мой сын будет наслаждаться летом, как и все люди, живущие на земле. В грядущие века Я буду установлен как знамение на небесах, и мое имя будут произносить с хвалой. Я удовлетворен".

Так получилось, что Рыбак остался в небе, где вы сами можете ясно видеть его ясной ночью со стрелой, пронзившей его хвост. Индейцы называют их Звездами Рыбака — О-джиг Ан-нунг; но белым людям они известны как созвездие Плуга.

Ошибка! Закладка не определена.Оригинал

Кузнечик

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Жил - был веселый юноша

Индеец, который умел так высоко прыгать и выкидывал так много шалостей, что его стали называть Кузнечиком. Он был высоким, красивым парнем, всегда готовым проказничать того или иного рода; и хотя иногда его проделки были забавными, он заходил в них слишком далеко, и поэтому со временем его постигла беда.

Кузнечику принадлежало все, что больше всего нравится иметь индейцу. В его вигваме были всевозможные трубки и оружие, горностаи и другие отборные меха, рубашки из оленьей кожи, расшитые иглами дикобраза, множество пар расшитых бисером мокасин и больше поясов из вампума, чем мог бы добыть один человек честным путем.

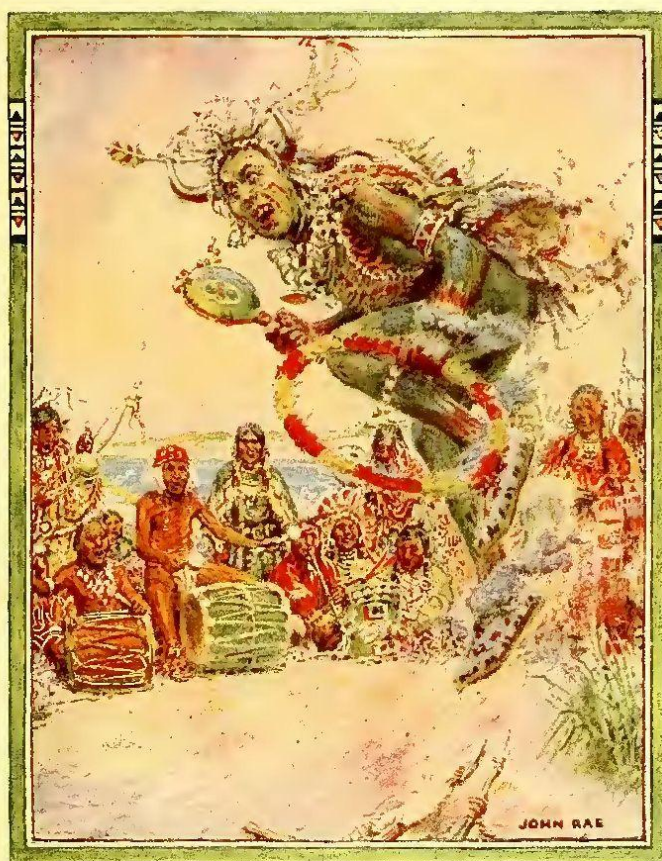
Правда в том, что Кузнечик добыл все это не благодаря своему мастерству и храбрости охотника. Он добывал их, встряхивая кусочки цветной кости и дерева в деревянной миске, а затем бросал их на землю. Иными словами, Кузнечик был азартным игроком, и таким удачливым игроком, что своей игрой в Шары и Жетоны он легко выигрывал у других то, что они добыли, рискуя своими жизнями на охоте.

Если люди мирились с его манерами и даже смеялись над некоторыми его безумными выходками, то это потому, что он так хорошо танцевал. Никогда еще не было такого танцора. Предстояло ли отпраздновать свадьбу или какой-нибудь пир после удачной охоты — тогда кто, кроме Кузнечика, мог бы так хорошо устроить развлечение?

Он умел танцевать так легко, что, казалось, не оставлял следов на земле. Он мог бы танцевать, как танцуют индейцы, отправляясь на войну, или как устраивают праздник в честь урожая кукурузы. Но танец, в котором он преуспел, был яростным, головокружительным танцем со скачками, который буквально вскружил головы зрителям.

Именно тогда Кузнечик превратился в своего рода человеческий вихрь. Пока он кружился, его вращающееся тело поднимало сухие листья и пыль, пока танцор почти не исчез из виду, и вместо него вы увидели нечто похожее на кружащееся облако.

Однажды, когда великий Манито по имени Ман-а-бо-чжо взял жену и поселился с племенем, чтобы лучше научить их жить, Кузнечик танцевал на свадьбе. Он назвал это "Танцем нищего", и это был такой танец! На берегах Большого моря Гитче-Гуми кучи песка поднимаются в небольшие холмы, известные как дюны. Если бы вы спросили Ягу, он бы сказал вам, что эти дюны - дело рук Кузнечика, который перемешал песок и сложил его в холмы, когда он безумно кружился в своем танце на свадьбе Ман-а-бо-жо.

◀▶ The Beggar's Dance.. ▶◀

Но хотя Кузнечик пришел на свадьбу и станцевал этот безумный Танец Нищего, представляется вероятным, что он сделал это больше для собственного удовольствия и демонстрации своего мастерства, чем в честь великого Человека-а-бо-чжо. Кузнечик действительно никого не уважал. Когда дедушка Ягу рассказывал какую-нибудь интересную историю и переходил к самой захватывающей части, Кузнечик, скорее всего, зевал, потягивался и громким шепотом говорил, что все это он уже слышал раньше.

То же самое и с Ман-а-бо-жо. Этот великий Манито, который был сыном Западного Ветра, Мад-дже-ки-виса, обладал магической силой, которую он использовал на благо племени. Это был он, который постился и молился, чтобы его народу дали пищу, отличную от диких животных, обитающих в лесах; и на его молитву был дан ответ даром в виде индийской кукурузы. Затем, когда Ка-га-ги, король воронов, прилетел со своей бандой черных воров, чтобы вырвать семя из земли, именно Ман-а-бо-жо поймал его в ловушку и крепко привязал к коньку своего вигвама, чтобы прокаркать предупреждение остальным.

Но доброта и мудрость Ман-а-бо-чжо не возымели особого эффекта

на Кузнечике. "Пух!" - говорил он. "Зачем индейцу забивать себе голову посадкой кукурузы, когда он может натянуть лук и убить хорошего жирного оленя?" Затем он потряс своей сумкой из волчьей шкуры и загремел кусками кости и дерева. "Пока у меня есть это, - сказал он себе, - мне больше ничего не нужно. В конце концов, все остальные работают на человека, который знает, как работать головой".

Он шел по деревне, очень гордый и прямой, с веером из индюшачьих перьев, лебяжьим пером в длинных черных волосах и лисьими хвостами, свисающими с пяток. В своей белой рубашке из оленьей шкуры, отороченной горностаем, леггинсах и мокасынах, украшенных бисером и иглами дикобраза, он представлял собой прекрасную фигуру. В тот вечер должны были состояться танцы, и Кузнечик, который был большим денди и любимцем всех молодых девушек и женщин, принарядился по этому случаю. Он раскрасил свое лицо полосами синего и киновари; его иссиня-черные волосы, разделенные пробором посередине и блестящие от масла, ниспадали на плечи косами, заплетенными из душистой травы. Воины могли называть его Шау-го-дайя, трусом, и отпускать шутки на его счет, но ему было все равно. Разве он не мог победить их всех, когда дело доходило до игры в мяч или квойты, и разве все девушки не были влюблены в его привлекательную внешность?

Тем временем Кузнечик пожелал приятно скоротать время. Заглянув в дверь сторожки, он увидел группу молодых людей, сидящих на земле и слушающих одну из историй старого Ягу.

"Ха!" - воскликнул он. "Тебе больше нечем заняться? Вот игра, в которую стоит поиграть".

Он достал из сумки тринадцать кусочков кости и дерева и перекинул их из одной руки в другую. Но никто не обратил на него внимания. В конце концов, у Кузнечика "в пятках было больше мозгов, чем в голове". В кои-то веки он оказался слишком хитрым; опасаясь его мастерства, никто не мог найти того, кто согласился бы поиграть с ним.

- Пух! - пробормотал Кузнечик, отворачиваясь. - Я понимаю, как это бывает. Благочестивый Человек-а-бо-чжо снова проповедовал им. Жить в этой деревне становится

довольно утомительно. Мне как раз пора уйти и найти место, где молодые люди не будут сидеть сложа руки и болтать с индианками",

Он шел, настроенный на озорство. Даже танец был забыт; он размышлял, чем бы ему развлечься. Подойдя к окраине деревни, он прошел мимо домика Ман-а-бо-жо. "Я хотел бы сыграть с ним какую-нибудь шутку, - сказал он себе под нос, - чтобы он помнил меня, когда меня не станет". Но он прекрасно понимал, что Ман-а-бо-жо намного могущественнее его самого; поэтому он колебался, не зная точно, что делать дальше.

Наконец он тихо подошел к двери и прислушался, но не услышал ни звука голосов. "Хорошо!" - сказал он с усмешкой. "Возможно, дома никого нет". С этими словами он крутанулся на одной ноге вокруг сторожки, подняв огромное облако пыли. Никто не вышел, но на коньке вигвама плененный Каг-га-ги, Король воронов, захлопал своими большими черными крыльями и издал хриплый, скрипучий крик.

- Дурак! - воскликнул Кузнечик. - Шумный дурак!

Одним прыжком он перепрыгнул через вигвам, а затем обратно, при этом ворон закричал еще пронзительнее, чем когда-либо. Но внутри сторожки все было тихо.

Кузнечик осмелел. Снова подойдя к двери, он постучал по отвороту бизоньей шкуры. Никто не ответил; поэтому, осторожно отодвинув занавеску в сторону, он рискнул заглянуть внутрь. Затем тихо хихикнул. Сторожка была пуста.

"Это мой шанс!" - воскликнул он. "Ман-а-бо-жо в отъезде, как и его глупая жена. Я просто засвидетельствую свое почтение, прежде чем они вернутся, а потом уйду навсегда".

Сказав это, он вошел и начал переворачивать все вверх дном. Он бросил все миски и чайники в угол,

наполнили тыквенные горшки пеплом из костра, разбросали туда-сюда богатые меха и расшитые одежды, устлали пол поясами вампума и стрелами. Когда он закончил, можно было подумать, что там побывал сумасшедший. Ни одна женщина в деревне не была более опрятной, чем жена Ман-а-бо-жо, и Кузнечик знал, что это разозлит ее больше, чем все остальное, что он мог сделать.

"Теперь о Ман-а-бо-жо", - ухмыльнулся он, выходя из вигвама, весьма довольный причиненным им вредом.

- Карк, карк! - закричал Король воронов.

"Кау!" - ответил Кузнечик, передразнивая его. "Ты симпатичный домашний любимец. Ман-а-бо-жо заставляет тебя сидеть здесь, потому что ты такой красивый? Или дело в твоём прекрасном голосе."

С этими словами он подскочил к гребню, схватил ворона за шею и кружил его до тех пор, пока тот не стал совсем вялым и безжизненным. Затем он оставил его висеть там, как оскорбление Ман-а-бо-жо.

Теперь он был в приподнятом настроении и отправился своей дорогой через лес, насвистывая и напевая и крутя ручные пружинки, чтобы позабавить белок. Над озером возвышалась высокая скала, с вершины которой открывался вид на многие мили вокруг. Кузнечик взобрался на нее. Он мог ясно видеть деревню, поэтому решил подождать там, пока Ман-а-бо-жо не вернется домой. Это было частью шутки.

Пока он сидел там, множество птиц носились вокруг него, пролетая совсем близко над его головой. Ман-а-бо-жо называл этих воздушных птиц своими цыплятами и взял их под свою защиту. Но Кузнечик стал безрассудным. Мимо прошла стайка горных цыплят, и он натянул

свой лук и подстрелил их на лету, просто потому, что они принадлежали Ман-а-бо-чжо, а не потому, что они были нужны ему в пищу. Птица за птицей падали, пронзенные его стрелами; когда они падали, он сбрасывал их тела со скалы на пляж внизу.

Наконец Кей-ошк, морская чайка, заметила его за этим жестоким занятием и подняла тревогу. "Кузнечик убивает нас", - крикнул он. "Летите, братья! Улетайте и скажите нашему защитнику, что Кузнечик убивает нас своими стрелами".

Когда Ман-а-бо-чжо услышал эту новость, его глаза вспыхнули огнем, и он заговорил громовым голосом:

"Кузнечик должен умереть за это! Он не сможет сбежать от меня. Даже если он улетит на край света, я последую за ним и обрушу на него свою месть".

На ноги он надел свои волшебные мокасины, в которых с каждым шагом мог проходить целую милю. На руки он надел свои волшебные рукавицы, которыми одним ударом мог расколоть самый твердый камень. Затем он бросился в погоню.

Кузнечик слышал предупреждающий крик чайки и понял, что пора отправляться в путь. Он тоже умел бегать. Он был настолько быстроходен, что мог пустить стрелу впереди себя и долететь до того места, где она упала, прежде чем та упала на землю. Кроме того, он обладал способностью принимать другие обличья, и убить его было почти невозможно. Если, например, он входил в тело бобра, и бобр был убит, то как только его плоть остывала, *Фи-би*, или дух, Кузнечика покидал мертвое тело, и Кузнечик снова становился человеком, готовым к какому-нибудь новому приключению.

Но сначала он полагался на свои ноги и хитрость. На него бросился Ман-а-бо-жо, дыша местью; стремительно, как движущаяся тень, бежал Кузнечик. Через лес и через холмы он бежал быстрее зайца. Его преследователь шел по горячим следам. Однажды он набрел на опушку леса, где трава была еще теплой и примятой; но Кузнечик, который отдыхал там, был далеко. Однажды Ман-а-бо-жо, находясь высоко на горе, заметил его на лугу внизу. Кузнечик явился специально, насмеялся над великим Манито и бросил ему вызов. По правде говоря, Кузнечик был просто немного тщеславен.

Наконец он устал бегать. Не то чтобы у него болели ноги. Но такая жизнь была ему не очень по душе, и он держал ухо востро в поисках чего-то нового. Довольно скоро он добрался до ручья, где вода была перекрыта чем-то вроде плотины, так что она затопила берега. Кузнечик пробежал в тот день около тысячи миль, считая все повороты. Было жарко и пыльно, а пруд с кувшинками и тростником казался прохладным и освежающим. Издалека-издалека донесся слабый звук; это был голос Ман-а-бо-жо, выкрикивавшего свой боевой клич.

- Надоедливый тип! - сказал Кузнечик. "Я почти хотел бы быть бобром и жить там, на дне пруда, где меня никто не потревожит".

Затем вверх высунулась голова бобра, который подозрительно посмотрел на него.

"Не пугайся. Я оставил свой лук и стрелы вон там, в траве", - объяснил Кузнечик. "Кроме того, я просто подумал, что сам хотел бы быть бобром. Что ты на это скажешь?"

"Я должен посоветоваться с Ахмиком, нашим вождем", - ответило дружелюбное животное.

Он нырнул на дно, и довольно скоро над водой показалась голова Ахмика, а за ней головы двадцати других.

"Позвольте мне быть одним из вас", - сказал Кузнечик. "У тебя приятный дом там, внизу, в чистой, прохладной воде, а я устал от той жизни, которую веду".

Ахмик был рад, что такой сильный, красивый молодой индеец пожелал присоединиться к их компании.

"Но я могу помочь тебе, - ответил он, - только после того, как ты нырнешь в пруд. Как ты думаешь, ты сможешь превратиться в одного из нас?"

"Это просто", - сказал Кузнечик.

Он зашел в воду по пояс; и вот! он

Убыл широкий плоский хвост. Он погружался все глубже и глубже; когда вода сомкнулась над его головой, он превратился в бобра с блестящим черным мехом и перепончатыми, как у утки, лапами. Он опустился вместе с остальными на дно, которое было покрыто грудями бревен и веток.

- Это, - объяснил Ахмик, - еда, которую мы запасли на зиму. Мы едим кору, и скоро ты станешь таким же толстым, как любой из нас.

"Но я хочу быть еще толще", - сказал Кузнечик. "Более плоским и в десять раз больше".

"Как вам будет угодно", - согласился Ахмик. "Мы можем помочь сделать вас такими большими, какими вы пожелаете".

Они добрались до домика, где жили бобры, и вошли в дверь, ведущую в несколько больших комнат. Кузнечик выбрал для себя самую большую.

"А теперь, - сказал он, - принеси мне столько еды, сколько я смогу съесть, и когда я достаточно подрасту, я стану твоим вождем".

Бобры были готовы. Они принялись за работу, добывая большое количество самой сочной коры для Кузнечика, который был в восторге от такой ленивой жизни и почти ничего не делал, кроме еды и сна. Он становился все больше и больше, пока, наконец, не стал в десять раз крупнее Ахмика и едва мог передвигаться в своем домике. Он был совершенно счастлив.

Но однажды бобр, который нес вахту наверху, среди камышей пруда, подплыл к сторожке в состоянии сильного возбуждения.

- Охотники преследуют нас, - выдохнул он, задыхаясь. - Это действительно сам Ман-а-бо-жо со своими охотниками. Они разрушают нашу плотину!"

Пока он говорил, вода в пруду опускалась все ниже и ниже; в следующее мгновение послышался топот ног - охотники запрыгнули на крышу вигвама, пытаясь проломить ее.

Все бобры, кроме Кузнечика, выскочили из вигвама и скрылись в ручье, где и спрятались

в каких-нибудь глубоких заводях или заплывали далеко вниз по течению. Кузнечик изо всех сил старался последовать за ними, но не мог. Дверной проем был слишком мал для его большого, толстого тела; когда он попытался пройти через него, то обнаружил, что намертво застрял.

Затем крыша просела, и показалась голова индейца.

-*Тай-ау!*- позвал он. "*Тут-тю-тю!* Посмотри, что здесь! Это, должно быть, Ме-шау-мик, Король бобров. Подошел Ман-а-бо-жо и бросил один взгляд.

"Это Кузнечик!" он закричал. "Я вижу его трюки насквозь. Это Кузнечик в шкуре бобра.

Затем они набросились на него со своими дубинками, и восемь рослых индейцев, подвесив его обмякшее тело на шесты, с триумфом унесли его через лес.

Но его *Фи-би*, или дух, все еще находился в теле бобра и пытался вырваться. Индейцы отнесли его в свои вигвамы и приготовились устроить пир. Затем, когда скво были готовы содрать с него шкуру, его плоть была совсем холодной, и дух Кузнечика покинул тело бобра и быстро улетучился. Когда темная фигура скрылась через прерию в лесу, бдительный Ман-а-бо-жо увидел, что она приняла человеческий облик Кузнечика, и бросился в погоню.

Жизнь Кузнечика среди бобров сделала его ленивее, чем когда-либо, и на бегу он оглядывался в поисках какого-нибудь более легкого способа, чем бег. Вскоре он наткнулся на стадо лосей, разновидность оленей с большими раскидистыми рогами. Лоси с удовольствием кормились и выглядели лоснящимися и откормленными.

"Они ведут свободную и счастливую жизнь", - сказал Кузнечик, наблюдая за ними. "Зачем утомлять себя бегом? Я превращусь в лося и присоединюсь к их группе".

На его голове выросли рога; через несколько минут трансформация была завершена. Он все еще не был удовлетворен.

"Я едва ли достаточно велик", - сказал он вожаку. "Мои ступни слишком малы, а мои рога должны быть в два раза больше

твоего размера. Неужели я ничего не могу сделать, чтобы они выросли? "Да", - ответил вожак лосей. "Но ты делаешь это на свой страх и риск".

Он повел Кузнечика в лес и показал ему ярко-красную ягоду, гроздьями висевшую на маленьких низких кустах.

"Съешь это, - сказал он, - и ничего больше, и скоро твои рожки и ступни будут намного больше наших. Однако было бы разумно, если бы вы не ели их слишком много".

Ягоды были восхитительны. Кузнечику казалось, что он не может насытиться, и он жадно ел их всякий раз, когда удавалось их найти. Вскоре его ноги стали такими большими и тяжелыми, что он с трудом поспевал за стадом, а рога были такими огромными, что иногда они ему мешали.

Однажды холодным днем стадо ушло в лес в поисках укрытия; довольно скоро несколько лосей, которые задержались, промчались мимо, тревожно фыркая. Охотники преследовали их.

- Беги! - крикнул вожак Кузнечику. - Следуй за нами в прерию, где индейцы не смогут нас догнать. Кузнечик попытался последовать за ними, но его большие ноги придавили его, и он побежал медленно. Затем, когда он бешено бросился сквозь заросли, его раскидистые рога запутались в каких-то низких ветвях, которые крепко держали его. Мимо него уже просвистело несколько стрел; еще одна пронзила его сердце, и он рухнул на землю.

Вперед с гиканьем выбежали охотники. "*Тай-ау!*" - воскликнули они, увидев огромного лося. "Это он оставил большие следы в прерии. *Тай-ау!*"

Когда они сдирали с него шкуру, к отряду присоединился Ман-а-бо-жо; и в этот момент *Фи-би*, или дух Кузнечика, вырвался из пасти убитого лося и быстро разлетелся по открытым равнинам, подобно клубу белого дыма, гонимого ветром. Затем, пока Ман-а-бо-жо наблюдал, как она тает, он

еще раз увидел смертный облик Кузнечика; и снова он последовал за ним, дыша жаждой мести.

Пока Кузнечик бежал дальше, ему в голову пришла новая мысль. Над ним в чистом голубом небе кружили и парили птицы. "Вот место для меня, - сказал он, - высоко в небе. Дай мне крылья, и я смогу смеяться над Ман-а-бо-жо".

Впереди него было озеро; приближаясь к нему, он увидел стаю диких гусей, известных как брант, пасущихся в камышах. "Ха", - сказал Кузнечик, любуясь ими, пока они плавно плавали туда-сюда. "Скоро они полетят на Север. Я бы хотел полетать в их компании".

Он заговорил с ними, назвав их Пиш-не-кух, своими братьями, и они согласились принять его как одного из своей паствы. Так он плавал на спине, пока у него не выросли перья, и он превратился в бранта с широким черным клювом и хвостом, который вел его по воздуху, как руль управляет кораблем.

Жадный, как всегда, он ел еще долго после того, как остальные насытились, так что вскоре вырос в самого большого бранта, которого когда-либо видели. Его клюв был похож на весла каноэ; когда он расправлял крылья, они были размером с две большие *ау-пук-ва*, или циновки. Дикае гуси в изумлении уставились на него. "Ты должен лететь впереди", - сказали они.

"Нет", - ответил Кузнечик. "Я бы предпочел лететь позади". "Как тебе будет угодно", - сказали ему. "Но тебе придется быть осторожным. Во что бы то ни стало вытягивайте голову и шею прямо перед собой и не смотрите вниз во время полета, иначе вы можете попасть в аварию".

Это было прекрасное зрелище - видеть, как они хлопают крыльями, вытягивают свои длинные шеи и с "жужжанием" поднимаются с озера, поднимаясь на ветру и мчась впереди него. Они летели с ветерком с юга, все быстрее и быстрее, пока их скорость не стала подобна полету стрелы.

Однажды, проезжая над деревней, они услышали крики людей. Индейцы были поражены размерами большого

брант летели в хвосте стаи; кричали так громко, как только могли, их крики вызвали любопытство Кузнечика. Один голос показался ему особенно знакомым, и он не смог устоять перед искушением вытянуть шею и пригнуть ее к земле. Когда он это сделал, сильный ветер подхватил его за хвост и стал переворачивать снова и снова. Тщетно он пытался восстановить равновесие; ветер кружил его все вокруг и вокруг, как кружит лист. Земля приближалась, крики индейцев становились все громче в его ушах; наконец он с глухим стуком упал и остался лежать бездыханным.

Это было прекрасное угощение из дикого гуся, который так внезапно свалился с небес. Голодные индейцы набросились на него и начали выщипывать перья. Это была та самая деревня, где когда-то жил Кузнечик; он и мечтать не мог, что когда-нибудь вернется, чтобы накормить ее таким обедом, ужином, на котором он сам должен был стать лучшим блюдом.

Но снова его *Фи-би*, или дух, вышел вперед и улетел в облике Кузнечика; снова Ман-а-бо-жо, выкрикивая свой боевой клич, последовал за ним.

Кузнечик теперь добрался до пустынных мест, где было мало деревьев и никаких признаков животной жизни. Ман-або-жо догонял его; должно быть, он выкинул какой-то новый трюк. Добравшись наконец до высокой сосны, растущей на скале, он взобрался на нее, оборвал все зеленые иголки и разбросал их повсюду, оставив ветви совсем голыми. Затем он снова пустился наутек. Когда пришел Ман-а-бо-жо, сосна заговорила с ним, сказав:

"Посмотри, что натворил Кузнечик. Без моей листвы я точно умру. Великий Манито, прошу тебя, верни мне мое зеленое платье".

Человек-а-бо-жо, который любит и защищает все деревья, сжалился над сосной. Он собрал разбросанные иголки и вернул их ветвям. Затем он заторопился с такой скоростью, что догнал Кузнечика и протянул руку, чтобы схватить его. Но Кузнечик быстро отступил в сторону и развернулся

кружился и кружился на одной ноге в своем вихревом танце, пока воздух вокруг не наполнился листьями и песком. В разгар этого вихря он прыгнул в дупло дерева и превратился в змею. Затем он выполз из-под корней, и ни минутой раньше, потому что Ман-а-бо-жо ударил по дереву одной из своих волшебных рукавиц и раскрошил его в порошок.

Кузнечик снова принял человеческий облик и побежал, спасая свою жизнь. Единственное, что ему оставалось, это спрятаться. Но где? В своем стремительном бегстве он снова очутился на берегу Большого озера и увидел возвышающийся перед ним высокий утес Картинных Скал. Если бы ему только удалось добраться до этих скал, горный Манито, живущий в одной из мрачных пещер, мог бы впустить его. Конечно же! Когда он добрался до утеса, зовя на помощь, Манито открыл дверь и велел ему войти.

Едва большая дверь с грохотом закрылась, как появился Ман-а-бо-жо. Своей рукавицей он так стукнул по камню, что полетели щепки.

-Откройте! - крикнул он страшным голосом.,

Но Манито был храбрым и гостеприимным.

"Я приютил тебя, - сказал он Кузнечнику, - и я скорее умру сам, чем отдам тебя".

Ман-а-бо-жо подождал, но ответа не последовало.

"Как пожелаешь", - сказал он наконец. "Если ночью мне не откроют дверь, я призову Гром и Молнию, чтобы они выполнили мою просьбу".

Шли часы; опустилась темнота. Затем из черной тучи, собравшейся над Великим озером, Вэй-васс-и-мо, красноглазая Молния, выстрелил своими огненными стрелами. Грохот—бум—грохот! Ан-не-ми-ки, Гром, хрипло прокричал с небес. Поднялся дикий ветер; деревья в лесу раскачивались и стонали, а лисы попрятались по своим норам.

Вэй-васс-и-мо, Молния, выскочила из черной тучи и бросилась на утес. Скала задрожала; дверь открылась

задрожал и развалился на части. Из своей мрачной пещеры вышел Горный Манито, прося Ман-а-бо-жо о пощаде. Это было исполнено, и манито бежали в горы.

Затем появился Кузнечик; в следующее мгновение он был погребен под каменной массой, сотрясаемой раскатами Грома "Ан-не-ми-ки". На этот раз его убили в человеческом обличье, и он больше не мог разыгрывать свои безумные шалости.

Но Ман-а-бо-жо, милосердный, вспомнил, что Кузнечик был не совсем плохим.

"Ваша *Фи-би*, - сказал он, - не должна больше оставаться на земле ни в какой форме. Как мужчина, ты жил праздной, глупой жизнью, и ты здесь больше не нужен. Вместо этого я позволю тебе обитать в небесах".

Сказав это, он взял призрак Кузнечика и придал ему форму боевого орла, повелев ему быть главным над всеми птицами...

Но озорной Кузнечик не забыт людьми. В конце зимы мелкий, как пудра, снег наполняет воздух, словно пар. Это удерживает охотника от его ловушек, рыбака - от его лунки во льду. Внезапно порыв ветра подхватывает этот легкий, порошкообразный снег, раскручивает его круг за кругом и пускает по кругу; и когда это происходит, индейцы смеются и говорят:

- Смотри! Вон идет Кузнечик. Посмотри, как хорошо он танцует.

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Миш-о-ша, Волшебник

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

В самом сердце великого зеленого леса когда-то жил охотник, чей дом находился за много миль от вигвамов его племени. Его жена давно умерла, и он жил там совсем один со своими двумя маленькими сыновьями, которые росли как могли без материнской опеки.

Когда отец уезжал на охоту, у мальчиков не было товарищей, кроме лесных птиц и зверей, и с некоторыми более мелкими животными они быстро подружились. Белка Ад-джи-дау-мо, перепрыгивая с дерева на дерево, сбрасывала ореховые скорлупки на крышу вигвама. Это был его способ постучать в дверь, нанести утренний визит. Он был великим собеседником, которому нечего было сказать — как это часто бывает с теми, чей голос редко бывает тихим. Но он был умным и веселым, весело болтал ни о чем конкретном, и не имело никакого значения, слушали вы его или нет.

Ва-бо-се, маленький белый заяц, был еще одним другом. Однажды зимним днем, когда в лесу было мало еды, рысь О-не-о-та как раз собиралась наброситься на него, когда отец мальчиков выпустил стрелу - и О-не-о-та больше не интересовалась маленькими белыми зайцами.

Ва-бо-се был благодарен за это и иногда в своей застенчивой манере пытался показать это.

Отец и мальчики питались в основном крупной дичью, такой как медведь и оленина. Это мясо нарезали полосками и вялили; иногда его хватало на много долгих дней, когда дичи было мало или лес был таким сухим из-за отсутствия дождя, что ветки хрустели под ногами охотников и пугали животных

он приближался. Итак, мальчики привыкли неделями оставаться одни, когда их отец отсутствовал.

Затем наступил сезон голода. На кустах не росли ягоды, трава увяла на стеблях, на дубах висело мало желудей. Некоторые ручьи пересохли. Так случилось, что охотник далеко ушел в поисках дичи.

Прошло много месяцев. Когда Сигвун, старший мальчик, увидел, что мяса осталось совсем немного, он сказал своему младшему брату Иоскоде:

- Давайте возьмем то мясо, что осталось, и двинемся через лес на Север. Я помню, как наш отец говорил, что за много лун отсюда лежит большое озеро под названием Гитче-Гуми, в водах которого водится рыба.

- Но сможем ли мы найти дорогу? - с сомнением спросил Иоскода. - Не бойся! - раздался голос сверху.

Это была белка Ад-джи-дау-мо, резвая, как всегда, хотя и немного тощая из-за недостатка орехов.

- Я пойду с тобой, - продолжал он, - и Ва-бо-се, белый заяц, тоже. Он может скакать впереди и находить тропу, а я могу перепрыгивать с дерева на дерево и вести наблюдение. Между нами говоря, мы обязательно пойдем направо.

Это оказалось хорошей идеей, и Ва-бо-се взял инициативу в свои руки. Там, где тропа зарастала травой, он пробирался носом по земле, ни разу не сбившись с пути; там, где тропа была ровной, он бежал вперед, затем останавливался и садился на корточки, поджидая мальчиков, его длинные уши были настороже и двигались, чтобы обнаружить малейшую опасность.

Но не произошло ничего, что могло бы их встревожить. Рысь, дикая кошка и волк разбежались перед началом голода, и в безмолвном лесу не было диких зверей. Они шли все дальше и дальше, пока не стало казаться, что лес никогда не кончится. Затем, однажды, Ад-джи-дау-мо взобрался на высокую сосну, с самой верхней ветки которой он мог видеть далеко за лесом. Яркое светило солнце; когда он скосил глаза и посмотрел на север,

что-то, что, казалось, соприкасалось с небом, сверкало, как серебро. Это было Гитче-Гуми, Великое озеро.

Они добрались до места, где в изобилии росли орехи и много зелени, которой хватило бы на откорм зайцу-беляку. Итак, Ва-бо-се и белка попрощались с мальчиками, которые теперь могли без труда пробираться дальше. Вскоре они вышли на опушку леса. Они услышали пронзительный крик. Это был Тви-тви-ки-вэй, ржанка, летевшая вдоль берега; в следующее мгновение перед ними раскинулись огромные сверкающие воды.

Сигван своим острым охотничьим ножом срезал сук с ясеня и сделал лук; из дубового сука он выточил несколько стрел, наконечники для которых использовал кремний. Он нашел перья, выпавшие из крыла чайки, для древка; полоска, отрезанная от его рубашки из оленьей кожи, послужила тетивой для лука. Затем, отдав лук и стрелы Иоскоде для тренировки, он собрал несколько стручков дикой розы, чтобы утолить их голод.

Стрела, неудачно пущенная его братом, упала в озеро, и Сигван вошел в него вброд, чтобы поднять ее. Он зашел в воду по пояс и протянул руку, чтобы схватить стрелу, как вдруг, словно по волшебству, появилось каноэ, скользящее по воде, как птица. В каноэ был уродливый старик, который протянул руку, схватил изумленного мальчика и втащил его на борт.

"Если я должен пойти с тобой, возьми и моего брата!" - взмолился Сигвун. "Если его оставить здесь совсем одного, он умрет с голоду".

Но Миш-о-ша, Волшебник, только рассмеялся. Затем он ударил рукой по борту каноэ и произнес волшебные слова, *Чемаун Полл*, и оно, как живое, понеслось по озеру, так что берег быстро скрылся из виду. Вскоре он остановился на песчаном берегу, и Миш-о-ша, выпрыгнув из него, поманила его за собой.

Они высадились на остров. Перед ними, в кедровой роще, стояли два вигвама, или хижины; из меньшего вышли две прелестные молодые девушки и остановились, глядя на них.

Для Сигвуна, который никогда прежде не видел девушек, эти девушки были похожи на духов с небес. Он с удивлением смотрел на них, почти ожидая, что они исчезнут. Со своей стороны, они смотрели на него без улыбки; в их темных глазах были только сочувствие и печаль.

- Дочери мои! - обратился старик к Сигвуну с усмешкой, обнажившей его длинные желтые зубы. Затем повернулся к девушкам:

- Разве ты не рада видеть меня целым и невредимым? - и тебе не нравится, что мой красивый молодой друг здесь? - спросил он. Они вежливо склонили головы, но ничего не сказали.

- Давненько ты не удостаивалась такой чести, - продолжал он громким шепотом, обращаясь к старшей девочке. - Он был бы тебе прекрасным мужем.

Девушка что-то пробормотала себе под нос, и Миш-о-ша бросила на нее лукавый взгляд.

"Посмотрим, посмотрим!" - бормотал он себе под нос, хохоча, как сорока, и потирая свои длинные костлявые руки.

Сигван, сильно встревоженный и едва ли знающий, что делать со всем этим, решил держать ухо востро. К счастью, Миш-о-ша иногда бывал неосторожен. Он прошел вперед и вошел в свою хижину, оставив остальных вместе; после чего старшая девушка, подойдя к Сигвуну, быстро заговорила с ним: "Мы не его дочери", - сказала она. - Он привел нас сюда, как привел тебя. Он ненавидит человечество. Каждую луну он хватает молодого человека и притворяется, что родил его здесь в качестве мужа для меня. Но вскоре он увозит его на своем каноэ, и молодой человек никогда не возвращается. Мы уверены, что Миш-о-ша покончил с ними всеми".

"Что я должен делать?" - спросил Сигвун. "Я забочусь о себе меньше, чем о своем младшем брате. Его бросили на диком пляже, и он может умереть от голода".

"Ах!" - воскликнула девушка. "Вы действительно добры и бескорыстны;

поэтому, что бы из этого ни вышло, мы должны помочь вам. Коко-ко-хо, большая сова, всю ночь бодрствует на голой ветке вон того большого кедра. Подожди, пока Миш-о-ша заснет, затем завернись с головы до ног в его одеяло и тихонько прокрадись к двери нашего домика. Прошепчи мое имя, Нин-и-мо-ша, и я выйду и скажу тебе, что делать.

"Нин-и-мо-ша", - пробормотал юноша. "Какое красивое имя!" Затем, прежде чем он успел поблагодарить ее, девочки ушли.

Тут появился Миш-о-ша и сделал Сигвуну знак присоединиться к нему. Старик, казалось, был в хорошем настроении и проводил время, рассказывая истории; но Сигвун не был

обманут этим притворством дружбы. Когда Волшебник крепко уснул, он встал, завернулся в одеяло Миш-о-ша и осторожно подошел к двери маленького домика.

- Нин-и-мо-ша! - прошептал он, и сердце его учащенно забилося; ибо Нин-и-мо-ша на индийском языке означает "Моя возлюбленная". - Сигвун! - ответила она; и его имя, означающее "Весна", музыкой слетело с ее губ.

Она отодвинула занавеску и вышла.

- Вот, - сказала она, - еды твоему брату хватит на несколько дней. Садись в каноэ Миш-о-ша, произнеси волшебное заклинание, и оно доставит тебя туда, куда ты пожелаешь. Ты сможешь вернуться до рассвета".

"А сова?" - спросил Сигвун. "А она не закричит?" "Ходи, пригнувшись, как ходит Миш-о-ша", - объяснила она. "Ко-ко-ко-хо, когда он увидит тебя, закричит: "Хут, хут!" Вы должны ответить: "Хут, хут, ууу! Миш-о-ша". Тогда он позволит вам пройти".

Сигван сделал, как ему сказали, и вскоре уже скользил по озеру. Приземлившись на берег, он начал лаять, как белка; и по этому дружескому сигналу его брат подбежал и обнял его. Сигван соорудил для мальчика убежище и сказал ему, что придет снова. Затем он вернулся на каноэ и вскоре крепко уснул в хижине Волшебника.

Миш-о-ша, доверявший своей сове, ничего не заподозрил. Откуда ему знать, на что способны влюбленные, когда они соприкасаются головами?

- Ты хорошо выспался, сын мой, - сказал он. - А теперь нам предстоит приятное путешествие. Мы отправляемся на остров, где тысячи чаек откладывают яйца в песок, и мы заберем все, что сможем унести".

Вспомнив, что сказал Нин-и-мо-ша, Сигвун вздрогнул. Но она поцеловала ей руку и помахала ему на прощание, и это вселило в него мужество.

Когда каноэ умчалось прочь, он убедился, что его охотничий нож легко скользнул в ножны, и ни на мгновение не сводил глаз с Миш-о-ша.

Когда они достигли острова, чайки поднялись в воздух в огромном количестве и с криками пролетели над их головами.

- Ты собери яйца, - сказал Волшебник, - а я пока посторожу в каноэ.

Сигван поспешил на берег, радуясь возможности расстаться с обществом старика. Тогда Волшебник крикнул чайкам:

- Эй, мои пернатые друзья! Вот человеческое подношение, которое я обещал вам, когда вы согласились называть меня хозяином. Летите вниз, мои милые! Слетай вниз и сожри его!"

Ударившись о борт своего каноэ, он бросил юношу на растерзание птицам.

Чайки с резкими криками обрушились на Сигвуна. Никогда еще он не слышал такого шума. Десять тысяч крыльев взмахнули в воздухе, всколыхнув его подобно буре. Кружась и проносясь, они облаком налетели на него. Но Сигван не дрогнул. Выкрикнув *Соу-соу-куан*, или боевой клич, он схватил первую же птицу, которая напала на него. Затем, схватив его за шею, он левой рукой поднял его высоко над головой, а правой выхватил свой нож, который сверкнул на солнце.

- Стойте! - закричал он. - Стойте, несчастные глупцы! Берегитесь мести Великого Духа.

Чайки приостановили свою атаку, но все еще кружили вокруг него, вытянув острые клювы.

- Слушайте меня, о Чайки! он продолжал. "Великий Дух дал вам жизнь, чтобы вы могли служить человечеству. Убей меня, и ты убьешь того, кто создан править всеми зверями и птицами. Говорю тебе, берегись!"

"Но Миш-о-ша всемогущ". - закричали чайки. "Он приказал нам уничтожить вас".

"Миш-о-ша - не Манито", - ответил Сигвун. "Он всего лишь злой волшебник, который хотел использовать тебя в своих злых целях. Перенеси меня на своих крыльях обратно на его остров, ибо это он должен быть уничтожен".

Тогда чайки, убежденные, что Миш-о-ша обманул их, сбились в кучу, чтобы юноша мог лечь им на спину. Поднявшись на ветру, они перенесли его через воду и осторожно опустили на землю у вигвама до того, как туда прибыл Волшебник.

Нин-и-ино-ша обрадовалась, когда увидела, что это действительно Сигвун. "Я не ошиблась в тебе", - сказала она ему. - Совершенно очевидно, что Великий Дух защищает тебя. Но Миш-о-ша попытается снова, так что будь начеку.

Волшебник прибыл на своем волшебном каноэ. Увидев Сигвуна, он попытался мило улыбнуться. Но поскольку у него было мало практики в добрых мыслях, он только ухмыльнулся, как горгулья, у которой, за исключением, возможно, гиены, самая болезненная улыбка из всех возможных. >

- Хорошо, сын мой! - с трудом выдавил он. - Ты не должен меня неправильно понимать. Я сделал это, чтобы испытать ваше мужество; и теперь Нин-и-мо-ша наверняка полюбит вас. Ах, дети мои, вы составите счастливую пару!"

Нин-и-мо-ша отвернулась, чтобы скрыть свое отвращение, но Сигвун притворился, что верит, что злобный старик говорит серьезно.

"Однако, - продолжал Фокусник, - я вам кое-что должен за то, что, по-видимому, сыграл с вами такую шутку. Я вижу, вы носите

никаких украшений. Тогда пойдем со мной на Остров Сверкающих Раковин, и вскоре ты будешь одет так, как подобает прекрасному воину".

Остров, где они высадились, действительно был чудесным местом, покрытым разноцветными раковинами, которые сверкали на солнце, как драгоценные камни.

- Смотри! - сказала Миш-о-ша, когда они шли по пляжу. - Вон там, недалеко. Видишь, что-то блестит на дне. Сигван вошел в воду вброд. Когда вода достигла его бедер, Волшебник прыгнул к каноэ и оттолкнул его далеко в озеро.

- Иди сюда, царь Рыб! - позвал он. - Ты всегда хорошо служил мне. Вот твоя награда.

Затем, ударившись о свое каноэ, он быстро исчез. Тотчас же огромная рыба с широко раскрытой пастью поднялась на поверхность в нескольких футах от него. Но Сигвун только улыбнулся и сказал, обнажая свой длинный клинок:

- Знай, Чудовище, что я Сигвун, названный в честь того, чье дыхание согревает скованные льдом воды и одевает холмы зеленью. Трусливый Миш-о-ша, опасаясь гнева Великого Духа, стремится заставить вас сделать то, на что он не осмеливается сам. Пролей только одну каплю моей крови, и она окрасит воды озера, в котором все твое племя прискорбно погибнет". "Миш-о-ша обманул меня", - сказал Царь Рыб. - Он обещал мне нежную девушку, а вместо нее привел юношу с глазами воина. Чем я могу помочь тебе, мой Господин?

- Негодяй! - воскликнул Сигвун. - Радуйся, что он не сдержал своего ужасного обещания. Ты заслуживаешь смерти от моих рук, но я даю тебе шанс раскаяться. Отвези меня на своей спине на остров Миш-о-ша, и я сохраню тебе жизнь".

Царь Рыб поспешил посадить Сигвуна верхом на свою широкую спину и поплыл так быстро, что достиг острова вскоре после Миш-о-ша. Фокусник объяснял Нини-мо-ша, как юноша выпал из каноэ в

челюсти большой рыбы, когда появился сам Сигвун, вышедший из озера, как будто он вернулся с обычной экскурсии. Несмотря на это, Миш-о-ша все еще пытался оправдаться.

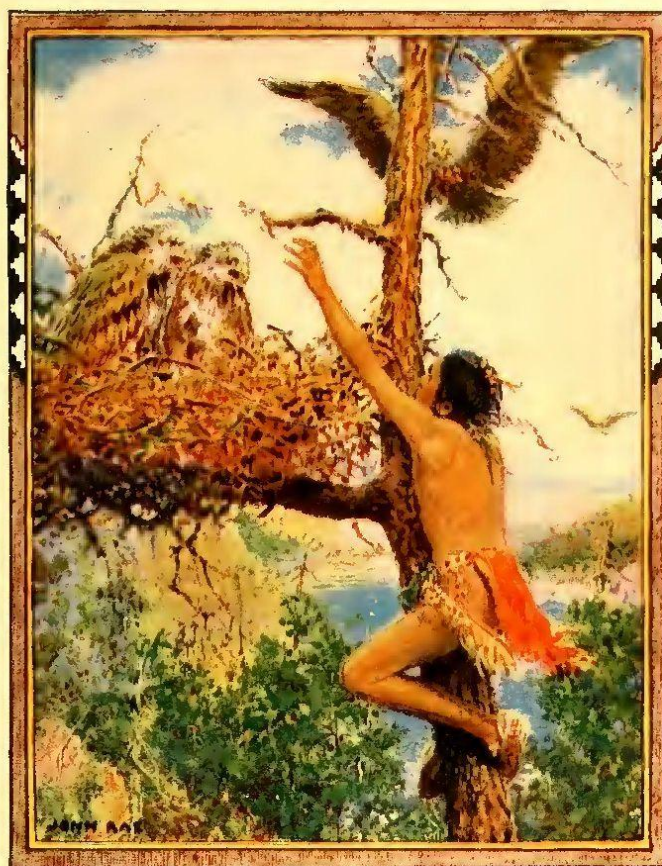
- Дочь моя, - сказал он. - Я только пытался выяснить, насколько он тебе дорог.

Но все это время он говорил себе, что в следующий раз не подведет. И следующий раз был уже на следующий день.

"Моя сова стареет и долго не проживет", - объяснил он. "Я хотел бы поймать молодого орла и приручить его. Ты поможешь мне?"

Сигвун согласился и отправился с ним на волшебном каноэ к скалистому выступу в озеро. Там, в развилке высокой сосны, было орлиное гнездо, в котором жило несколько молодых орлят, которые еще не умели летать.

- Быстрее! - крикнула Миш-о-ша. - Лезь на дерево, пока старые птицы не вернулись.

Seegwun had almost
reached the nest..

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Сигвун почти добрался до гнезда, когда Волшебник заговорил с сосной, приказывая ей расти выше. Она сразу же начала подниматься, пока не оказалась так высоко и так раскачивалась на ветру, что он почувствовал, что ему потребуется все его мужество, чтобы снова спуститься. В то же время Волшебник издал своеобразный крик, при котором орлы-отец и мать спикировали с облаков, чтобы защитить своих детенышей.

- Хо-хо! - рассмеялась Миш-о-ша. - На этот раз я не ошибся. Либо ты упадешь и сломаешь шею, либо орлы выцарапают тебе глаза".

Ударившись о свое каноэ, он исчез в тумане.

Орлы теперь кружили вокруг Сигвуна, который, сидя на ветке, обратился к ним так:

"Братья мои, взгляните на орлиное перо в моих волосах! Это доказывает мое восхищение вашей храбростью и мастерством. И все же во мне ты видишь своего повелителя; ибо я человек, а вы всего лишь птицы. Тогда повинуйся мне и отнеси на остров Миш-о-ша.

Эта похвала понравилась "орлам", которые уважали хладнокровное мужество юноши. Взорвавшись на спину огромного самца птицы, Сигвун взлетел в воздух и благополучно приземлился на зачарованном острове.

Теперь Миш-о-ша увидела, что ни птица, ни зверь не причинят вреда этому красивому юноше, который, казалось, находился под защитой какого-то могущественного Манито. Это должно быть сделано каким-то другим способом.

- Еще одно испытание, - сказал он Сигвуну, - и тогда ты сможешь взять Нин-и-мо-ша в жены. Но сначала ты должен доказать свое мастерство охотника. Пойдем!"

Они устроили шалаш в лесу, и Миш-о-ша своим волшебством вызвал снежную бурю с жалящим ветром с севера, похожим на полет ледяных стрел. Сигвун в ту ночь, перед тем как лечь спать, повесил свои мокасины и гетры сушиться у огня; и Миш-о-ша, встав первым на рассвете, взял по одной из них и бросил в огонь. Потом он потерял руки и захохотал, как степной волк.

"Что это?" - спросил Сигвун, садясь.

"Увы, сын мой!" - сказала Миш-о-ша. "Я просто опоздала. Сейчас сезон луны, когда огонь привлекает все сущее. Оно притянуло к себе твои мокасины и гетры и уничтожило их. Да, да! Я должен был предупредить тебя.

Сигван придержал язык, хотя все было достаточно ясно. Миш-о-ша имела в виду, что он должен замерзнуть до смерти. Но Сигвун, молча молясь своему Манито о помощи, взял из камина обугленную палку, которой зачернил одну ногу и ступню целиком, бормоча при этом заклинание. Затем, надев оставшиеся у него мокасины и штанины, он был готов к охоте.

Их путь вел через снег и лед, в заросли терновника и по наполовину замерзшим болотам, где Сигвун проваливался по колени. Но его молитва была услышана; заклинание сработало, и юноша пошел дальше, не обутый. Своей первой стрелой он убил медведя.

- Итак, - сказал он, глядя Волшебнику прямо в глаза. - Я вижу, ты страдаешь от холода. Давай вернемся на твой остров.

Под дерзким взглядом Сигвуна Миш-о-ша склонил голову и пробормотал что-то глупое в ответ. Наконец-то он встретил достойную пару и знал это.

- Взвали медведя себе на плечи! - скомандовал Сигвун.

Волшебник снова подчинился. Впервые они вернулись вместе на остров, где две молодые девушки с изумлением наблюдали, как гордый Миш-о-ша шатается под тяжестью медведя, рыча от бессильной ярости.

"Его сила сломлена", - согласилась Нин-и-мо-ша, когда Сигвун рассказала ей все. "Но мы никогда не сможем спать в безопасности, пока не избавимся от него по-настоящему. Что лучше всего сделать?"

Они склонили головы друг к другу; и когда они все обсудили, Нин-и-мо-ша весело рассмеялся.

"Он заслуживает более сурового наказания", - сказала она. "Мир не будет в безопасности, пока он жив. И все же то, что мы планируем сделать, отомстит нам, не пролив ни капли крови ". На следующий день Сигвун сказал Волшебнику:

"Пришло время спасти моего брата, которого мы оставили совсем одного на пляже. Пойдем со мной".

Миш-о-ша скорчила гримасу, но собралась уходить. Высадившись на берег, они вскоре заметили мальчика, который радостно забрался в каноэ. Тогда Сигвун сказал старику:

- Вон из тех красных ив на берегу получилась бы отличная курительная смесь. Не могли бы вы забраться туда и срезать мне немного?

- Конечно, сын мой, конечно, - ответил Миш-о-ша, быстро направляясь к ивам. - Я не такой слабый и ни на что не годный, как ты, кажется, думаешь.

Сигван ударил ладонью по каноэ, произнося волшебные слова, *Чемаун Полл*; и каноэ уплыло вместе с ними

братья поднялись на борт, оставив Волшебника наедине с собой, и он заскрежетал желтыми зубами.

Девочки побежали встречать их на берегу, Нин-и-мо-ша радовалась, что старик остался позади, в то время как ее сестра не могла думать ни о чем, кроме привлекательного мальчика, который был так похож на своего старшего брата.

- Но Миш-о-ша может вернуть каноэ к себе, - сказала Нин-и-мо-ша, - пока не будет найден способ разрушить чары. Кто-то должен стоять на страже, положив на это руку".

Иоскода попросил разрешения внести свою лепту; и с наступлением ночи они оставили его сидеть на песке, крепко держась за каноэ.

Это было утомительное занятие для маленького мальчика, уже утомленного долгим ожиданием. Чтобы развлечь себя, он начал считать звезды. Сначала он сосчитал те, что в Большой и Малой Медведицах, затем те, что похожи на кресло с высокой спинкой, и три больших ярких в поясе Ориона-Охотника. Он не знал их под этими названиями, которые были даны им много позже; но он узнал группу под названием О-джиг Ан-нунг, Рыболов, который принес Лето с неба, потому что его мальчику было холодно.

Иоскоде тоже было холодно сидеть на мокром песке. Но индийские мальчики не жалуются. И все же, увидев звезды Фишера, он подумал о своем собственном дорогом отце и задался вопросом, где бы он мог быть. Если бы Иоскода был белым мальчиком, а не краснокожим, мы думаем, песок, на котором он сидел, был бы немного влажнее от его слез. Как бы то ни было, он обнаружил, что смотрит на небо сквозь какой-то туман. Что это было? Он потерял глаза, сбился со счета и начал все сначала.

Хуже всего было то, что индейцы могли считать только пальцами рук - если не считать пальцев ног; а пальцы ног Иоскоды были плотно спрятаны в его мокасынах, совершенно вне поля зрения и вопросов. Сколько пальцев он насчитал — и сколько—звездочек?

Туман, или что бы это ни было, застилал ему глаза. Плеск, плеск! Набегали небольшие волны, раскачивая каноэ, как колыбель. Су, су! вздохнул ветер в кедрах. Все остальное земное кивнуло и замерло; даже звезды заморгали, словно устав наблюдать за миром.

И Иоскода спал.

Ууу, ууу! Крик совы Ко-ко-ко-хо зловеще резанул по ушам. Это длилось всего мгновение. Тени рассеялись, залаяла белка. Ва-бун, Восточный Ветер, поднявшийся над кромкой воды, выпустил свои серебряные стрелы. Был день.

Иоскода сел, возбужденный лишь наполовину, и посмотрел на озеро. Был ли он все еще на диком пляже, ожидая своего брата? Потом он вспомнил и виновато вздрогнул. Каное исчезло!

Ушел, но пришел снова! Вот он появился, скользя прямо к нему; и в нем сидела Миш-о-ша.

- Доброе утро, дитя мое! - крикнул Волшебник, когда каное заскрежетало по песку. - Разве ты не рад снова видеть своего дедушку?

Иоскода сжал свои маленькие кулачки. Он был очень храбрым, и он был зол.

"Ты *не* мой дедушка, - сказал он, - и я *не* рад тебя снова видеть".

"*Esa, esa!* (Позор, позор!) - усмехнулся старик. "Но Сигван будет рад меня видеть, и мои дорогие дочери тоже. Надеюсь, они не беспокоились обо мне".

Он был очень доволен тем, что ему удалось перехитрить их всех, и теперь вел себя так же дерзко, как и раньше. Но Сигван выжидал удобного момента. Он придумал другой план.

- Дедушка, - сказал он, - похоже, нам придется продолжать жить здесь вместе. Поэтому давайте запасемся мясом на зиму. Поедем со мной на материк. Я уверен, что ты, должно быть, могучий охотник.

Тщеславие Миш-о-ша было его самым слабым местом.

"*Эх, да!*" - хвастливо ответил он. "Я могу бегать весь день с мертвым оленем на спине. Я сделал это".

"Хорошо!" - сказал Сигвун. "Ветер снова дует на север, и нам понадобятся все наши силы на марше".

Теперь Сигвун каким-то образом узнал самый дорогой секрет Волшебника, который заключался в следующем: левая нога Миш-о-ша были единственными частями его тела, которым можно было причинить вред. Никакая стрела не могла пронзить его сердце; боевая дубинка, обрушенная на его голову, разлетелась бы в щепки. С таким же успехом можно ударить его соломинкой. Но его левая нога и ступня. Ах! Вовсе не из-за ревматизма его брюки были так хорошо зашнурованы. И *почему* он всегда садился, поджав под себя левую ногу? На! В самом деле, почему? Сигвун нашел ответ.

Они соорудили грубую хижину в лесу, точно так же, как делали это раньше. И снова наступили сильные холода; только на этот раз бурю принес Сигвун. Он не смог удержаться от смеха. В камине пылал огонь, а на диване крепко спала Миш-о-ша.

Сигвун тихо поднялся, взял мокасины и гетры Волшебника и бросил их в огонь.

- Вставай, дедушка, - позвал он. "Это время года, когда огонь привлекает все сущее, и я боюсь, что ты потерял то, что тебе может понадобиться".

Когда Миш-о-ша увидел, что произошло, он выглядел таким испуганным, что Сигвуну стало почти жаль его. Но, вспомнив Нин-и-мо-ша и его младшего брата, он не мог придумать другого выхода. - Нам пора, - сказал он.

Они двинулись в путь по снегу. Боже, как было холодно! Миш-о-ша пустился бежать, думая, что это поможет; в то время как Сигван последовал за ним, опасаясь, что если он пойдет впереди, Волшебник может пустить стрелу ему в спину. После часовой пробежки Фокусник сильно запыхался, а его ноги затекли и окоченели.

Они вышли на опушку леса и достигли берега озера. Здесь Миш-о-ша остановилась. Когда он попытался сделать еще шаг, то не смог поднять ноги. Какими тяжелыми они стали! Он попытался снова, но произошло нечто странное. Пальцы его ног погрузились в песок и приняли форму корней. Перья в его волосах, а затем и сами волосы постепенно превратились в листья. Его раскинутые руки были ветвями, раскачивающимися на ветру; на его теле появилась кора.

Сигвун смотрел и удивлялся. То, что когда-то было Миш-о-ша, было уже не человеком, а деревом, платаном, увешанным шариками-пуговицами, криво склонившимся к озеру.

Наконец-то злой старый Волшебник встретил своего хозяина. Больше его злые чары не будут наложены на юную и невинную Сигвун задержался ни на мгновение, чтобы убедиться, что Миш-о-ша не оживет. Затем он отправился по воде, где остальным, с нетерпением ожидавшим его, сообщили хорошие новости.

"Миш-о-ша больше нет", - сказал Сигвун. "Он никогда больше не сможет причинить нам вред. Давайте покинем это место, где мы так много страдали, и поселимся на материке".

И они вместе отправились в путь, его возлюбленная, ее сестра и мальчик, а Сигвун показывал дорогу. Тропа, по которой он шел, снова привела их в большой лес и еще раз к хижине, из которой он вышел. И там они счастливо прожили до конца своих дней.

Сказочная Невеста

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Жила-была прелестная молодая девушка по имени Нин-и-зу, единственная дочь индейского вождя, которая жила на берегу озера Верхнее; Нин-и-зу на индийском языке означает "Моя дорогая жизнь". Было очевидно, что родители нежно любили ее и делали все, что в их силах, чтобы сделать ее счастливой и оградить от любого возможного вреда.

Была только одна вещь, которая заставляла их чувствовать себя неловко. Нин-и-зу была любимицей других молодых девушек деревни и участвовала в их играх. Но больше всего ей нравилось гулять одной по лесу или идти по какой-нибудь тусклой тропинке, которая вела в самое сердце небольших холмов. Иногда она отсутствовала по много часов, а когда возвращалась, у нее был взгляд человека, побывавшего в тайных местах и видевшего вещи странные и таинственные. В наши дни некоторые люди называли бы Нин-и-зу "романтичной". Другие, которые никогда не видят того, что не находится прямо у них под носом, слегка посмеялись бы с видом превосходства и сказали бы, что она "мечтательница". Что же такое видела и слышала Нин-и-зу во время этих одиноких прогулок по тайным местам среди холмов? Возможно, это были феи? Она не сказала. Но ее мать, которая хотела, чтобы она была больше похожа на других девушек, и которая хотела бы, чтобы она вышла замуж и остепенилась, была сильно встревожена.

Считалось, что озорные маленькие феи, известные как Пук-Вуджи, обитают в песчаных дюнах, куда так часто ходила гулять Нин-и-зу. Это были песчаные холмы, сделанные Кузнечиком, когда он так безумно танцевал на свадьбе Ман-а-бо-жо,

превращая песок в огромные сугробы и насыпи, которые можно увидеть и по сей день. Пук-вуджи любили эти холмы, которые редко посещались индейцами. Это было как раз то место, где собирались лягушатники и все желающие; говорили, что в сумерках летних дней они собирались здесь маленькими группами, разыгрывая всевозможные шалости. Затем,

когда наступала ночь, они спешили спрятаться в сосновой роще, известной как *Манито Вак*, или Лес Духов.

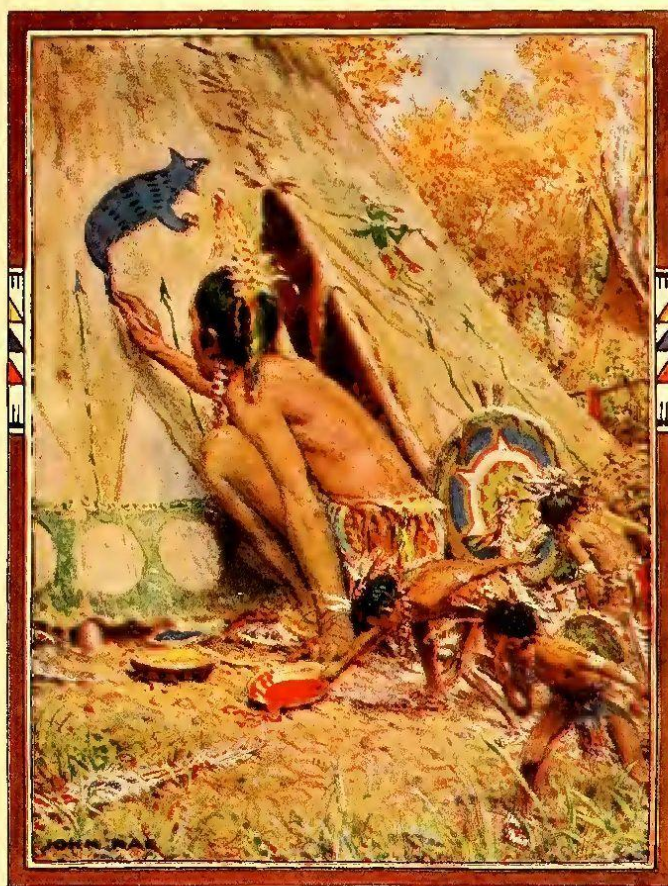
Никто никогда не подходил к ним близко, но рыбаки, плывущие на своих каноэ по озеру, видели их издалека и слышали тоненькие голоса этих веселых человечков, когда они смеялись и перекликались друг с другом. Когда рыбаки пытались последовать за ними, Пук-Вуджи исчезали в лесу; но отпечатки их ног, размером не больше детских, можно было разглядеть на влажном песке небольшого озера среди холмов.

Если требовалось что-то еще, чтобы убедить сомневающихся, которые не верили в фей, доказательства были быстро предоставлены рыбаками и охотниками, ставшими жертвами их уловок. Пук-Вуджи никогда по-настоящему никому не причиняли вреда, но они были способны на самые разные пакости. Иногда охотник, взяв утром свою шапку, обнаруживал выщипанные перья; иногда рыбак, потерявший весло, наконец обнаруживал его на дереве. Когда такое случалось, было совершенно очевидно, что Пук-Вуджи не зря проделывали свои шалости, и мало кто еще был настолько глуп, чтобы поверить, что это могло быть что-то другое.

У Нин-и-зу были свои представления об этих маленьких человечках, потому что она, как и Ипомея, часто слушала сказки, которые рассказывал старый Ягу. Одной из этих историй была история о Счастливой Стране, далеком месте, где всегда было лето, где никто не плакал и не горевал.

Именно по этой земле она вздыхала. Это занимало ее мысли днем, когда она искала укромные уголки холмов и сидела в каком-нибудь уединенном месте, прислушиваясь к таинственным голосам, которые шептали на ветру. Где была эта Счастливая Земля — это место без боли и забот?

Уставшая ночью, она падала в постель. Тогда из их укрытий крадучись появлялись маленькие посланцы Винца, Духа Сна. Эти добрые гномы — слишком маленькие, чтобы их мог увидеть человеческий глаз, — быстро подкрались к усталой Нин-и-зу и легонько постучали ее по лбу своими крошечными боевыми дубинками, которые называются *паб-га-мау-гунс*. Тук—тук! — пока ее веки не сомкнулись, и она не отправилась на поиски Счастливой Страны в той, другой, приятной стране грез.

Mischievous little Fairies
known as Puk-Wudjies.

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Она тоже видела следы Пук-вуджи на песчаном берегу маленького озера и слышала их веселый смех, раздававшийся в сосновой роще. Было ли это их единственным жилищем, спросила она себя, или они не были посланцами из Счастливой Страны, посланными указать путь тому смертному, который верил в нее и жаждал войти.

Нин-и-зу пришла к мысли, что это, должно быть, действительно так. Чаше, чем когда-либо, она отправлялась на луг, граничащий с Лесом Духов, и сидела там, вглядываясь в рощу. Возможно, Пук-Вуджи поймут и расскажут феям, кому они служат. Затем однажды на опушке сосен появится фея и поманит ее за собой. Это наверняка произойдет, подумала она, если она будет хотеть этого достаточно долго и сможет придать своим желаниям крылья. И вот, сидя там, она сочинила слова песни и положила их на музыку, которую издают сосны, когда южный ветер колышет их ветви. Затем она запела:

Дух смеющихся листьев,
Фея соснового леса,
Послушай девушку, которая оплакивает
твою счастливую страну.
Из своего убежища на летней поляне
Поспеш к своей скорбящей служанке.

Неужели ей только показалось, что она, казалось, услышала закрывающийся звук

слова ее песни эхом отдавались в глубине леса, где исчезли веселые человечки? Или это Пук-Вуджи насмехались над ней?

Она задержалась позже обычного; пора было уходить. Молодая луна низко висела на западе, ее кончики были обращены к небесам. Индеец сказал бы, что он может повесить на него свой рожок для пороха и что это означает сухую погоду, когда листья хрустят под ногами охотника, а животные разбегаются перед ним, так что он не может подойти достаточно близко, чтобы выстрелить. И Нин-и-зу была рада этому. Она заявила, что в Счастливой Стране никто не пострадает и ни одна жизнь не будет отнята.

И все же ее мать хотела, чтобы она вышла замуж за охотника, человека, который всю свою жизнь занимался охотой на благородных лесных оленей; который почти ни о чем другом не думал и не говорил.

Это пришло ей в голову, когда она поднялась со своего места на лугу и бросила прощальный взгляд на сосны. Лучи полумесяца коснулись их слабым светом; и снова ее воображение вступило в игру. Что, казалось, двигалось по краю таинственного леса? Нечто, смутно напоминающее юношу — выше, чем Пук-Вуджи, — который скорее скользил, чем ходил, и чьи светло-зеленые одежды выделялись на фоне более темной зелени сосен. Нини-зу посмотрела еще раз; но луна скрылась за холмами. Все было черно для глаз; до ушей не доносилось ни звука, кроме жуткого крика бедолаги-хлыста. Она поспешила домой.

Той ночью она услышала из уст матери то, чего давно ожидала и боялась. "Нин-и-зу", - сказала ее мать. "Я назвал тебя "Моя дорогая жизнь", и ты мне дорога как жизнь. Вот почему я желаю тебе быть в безопасности и счастливой. Вот почему я хочу, чтобы ты вышла замуж за хорошего человека, который сейчас будет наилучшим образом заботиться о тебе и защитит и утешит тебя, когда меня не станет. Ты знаешь, кого я имею в виду.

"Да, мама", - ответила Нин-и-зу. "Я хорошо его знаю

достаточно — я, как никогда, хочу узнать его получше. Он охотится на оленей, он убивает оленей, он сдирает шкуры с оленей. Это все, что он делает, это все, о чем он думает, это все, о чем он говорит. Возможно, хорошо, что кто-то должен это делать, иначе мы умрем с голоду от недостатка мяса. Но в мире есть много других вещей, и этот твой охотник доволен, если ему остается только убивать.

- Бедное дитя! - сказала ее мать. - Ты слишком молода, чтобы знать, что для тебя лучше.

- Я уже достаточно взрослая, дорогая мама, - ответила Нин-и-зу, - чтобы знать, что подсказывает мне мое сердце. Кроме того, этот охотник, за которого ты хочешь, чтобы я вышла замуж, высокий, как молодой дуб, в то время как я не намного выше одного из Пук-Вуджи. Когда я выпрямляюсь, моя голова оказывается чуть выше его талии. Из нас получилась бы красивая пара!"

То, что она сказала, было чистой правдой. Нин-и-зу никогда не была больше ребенка. У нее было изящное, стройное тело, маленькие ручки и ножки, глаза, черные, как полночь, и рот, похожий на луговой цветок. Тот, кто впервые увидел ее, проходящую по холмам, ее стройную фигурку, вырисовывающуюся на фоне неба, мог бы подумать, что она сама - фея.

Несмотря на все свои мягкие, тихие манеры и любовь к уединенным местам, Нин-и-зу часто бывала веселой. Но теперь она редко смеялась; походка ее была медленной, и она шла, опустив глаза в землю. "Когда она выйдет замуж, - думала ее мать, - у нее появятся другие занятия, и она больше не будет мечтать среди холмов".

Но холмы были ее единственной большой радостью — холмы и цветущие луга, где жаворонок, усевшись на стебель коровяка, раскачивался взад-вперед, желая ей хорошего настроения. Каждый вечер она сидела и пела свою песенку. Скоро она больше не будет петь. Заходящее солнце позолотило бы сосновую рощу, несчастный кнут пожаловался бы звездам; но картина была бы неполной; не было бы Ни-и-зу. Ибо был назначен день свадьбы; она, должно быть, жена охотника.

В этот день, назначенный для ее свадьбы с человеком, которого она так не любила, Нин-и-зу надела наряд невесты. Никогда еще она не выглядела так прекрасно. Кроваво-красные цветы пылали в ее иссиня-черных волосах; в руке она держала букет луговых цветов вперемешку с сосновыми кисточками.

Одевшись таким образом, она отправилась с прощальным визитом в рощу. В этом они не могли ей отказать; но пока она шла своей дорогой и холмы скрывали ее из виду, гости на свадьбе беспокойно переглядывались. Это было нечто такое, чего они не могли объяснить. В этот момент из ниоткуда набежало облако, закрыв солнце; там, где раньше был свет, теперь была тень. Было ли это знаком? Они искоса взглянули на охотника, но жених точил свой нож в ножнах о камень. Солнечный свет или тень, его мысли были заняты преследованием оленя.

Время шло, но Нин-и-зу не возвращалась. Час был такой поздний, что гости на свадьбе удивились и пришли в замешательство. Что могло задержать ее так долго? Наконец они обыскали холмы; ее там не было. Они выследили ее до луга, где отпечатки ее маленьких мокасин вели все дальше и дальше — в саму рощу; затем следы исчезли. Нин-и-зу исчезла.

Больше они ее не видели. На следующий день охотник принес им странную новость. Он поднялся на холм, направляясь домой коротким путем, и остановился там на мгновение, чтобы осмотреться. Как раз в этот момент к нему подбежала его собака, скуля и поджав хвост. По его словам, это была храбрая собака, которая не стала бы убегать от медведя, но этот вел себя так, как будто увидел нечто несмертное.

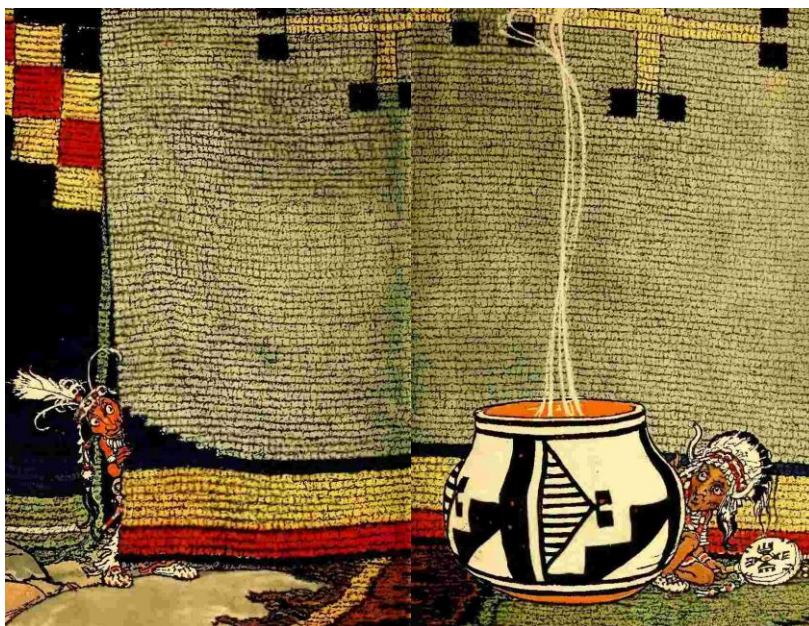
Затем охотник услышал поющий голос. Вскоре пение прекратилось, и он разглядел — вдалеке — фигуру Нин-и-зу, идущую прямо к роще, вытянув перед собой руки. Он звал ее, но она не слышала и подходила все ближе и ближе к лесу Духов.

"Она шла, как человек, который видит сны, - сказал охотник, - и когда она почти достигла леса, навстречу ей вышел молодой человек, стройный, как тростинка. Он не принадлежал к нашему племени. Нет, нет! Я никогда не видел подобного ему. Он был одет в лесные листья, а на голове у него покачивались зеленые перья. Он взял ее за руку. Они вошли в Священную Рощу. Нет сомнений, что он был феей - феей Вечнозеленой. Больше ничего нет; я закончил".

Значит, Нин-и-зу все-таки стала невестой.

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

Ошибка! Закладка не определена.Оригинал

[Ошибка! Закладка не определена.Оригинал](#)

[back](#)

[back](#)

American Indian Fairy Tales

[back](#)

American Indian → Fairy Tales ❖

Retold by W.T. Larned ❖

Illustrated by
John Rae

Published and copyrighted by
P.F. Volland Company
· New York · Chicago · Toronto ·

[back](#)

❖ **To Young America** ❖

❖ **From** ❖
The Oldest
Americans!

[back](#)

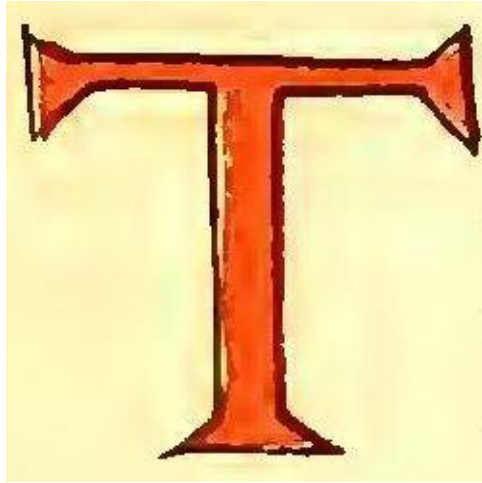

⇒⇒⇒ Coyote, the Prairie Wolf. ⇐⇐⇐

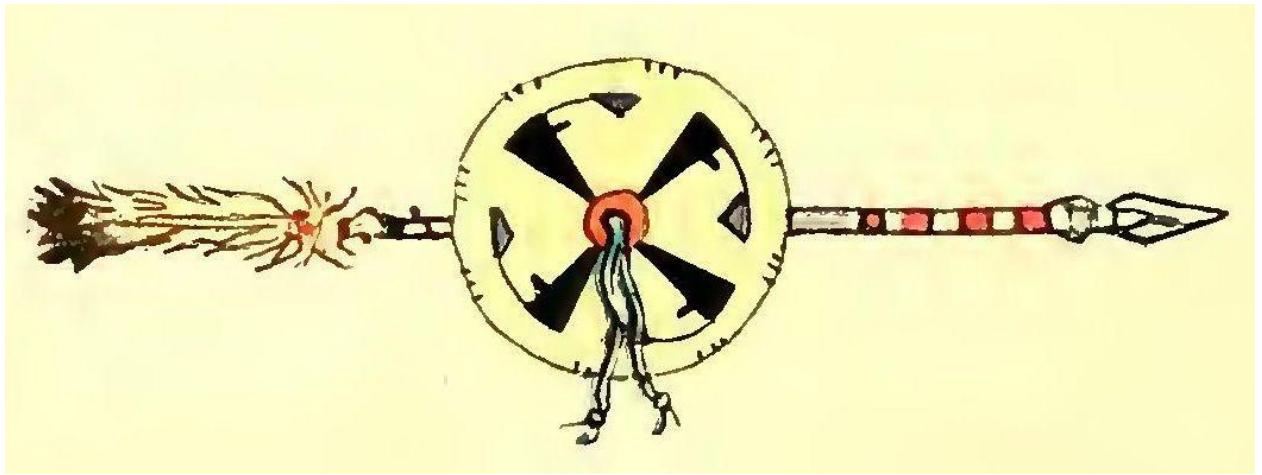
[back](#)

[back](#)

[back](#)

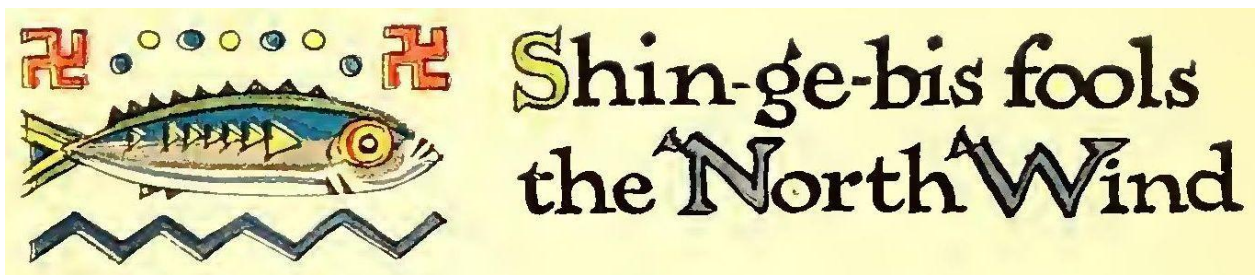
[back](#)

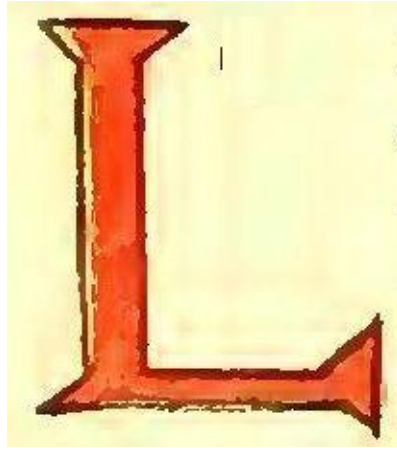
Iagoo won the children's
hearts with his stories.

[back](#)

[back](#)

[back](#)

The North Wind was
a fierce old man.

The little **B**oy and **G**irl in the **C**louds

[back](#)

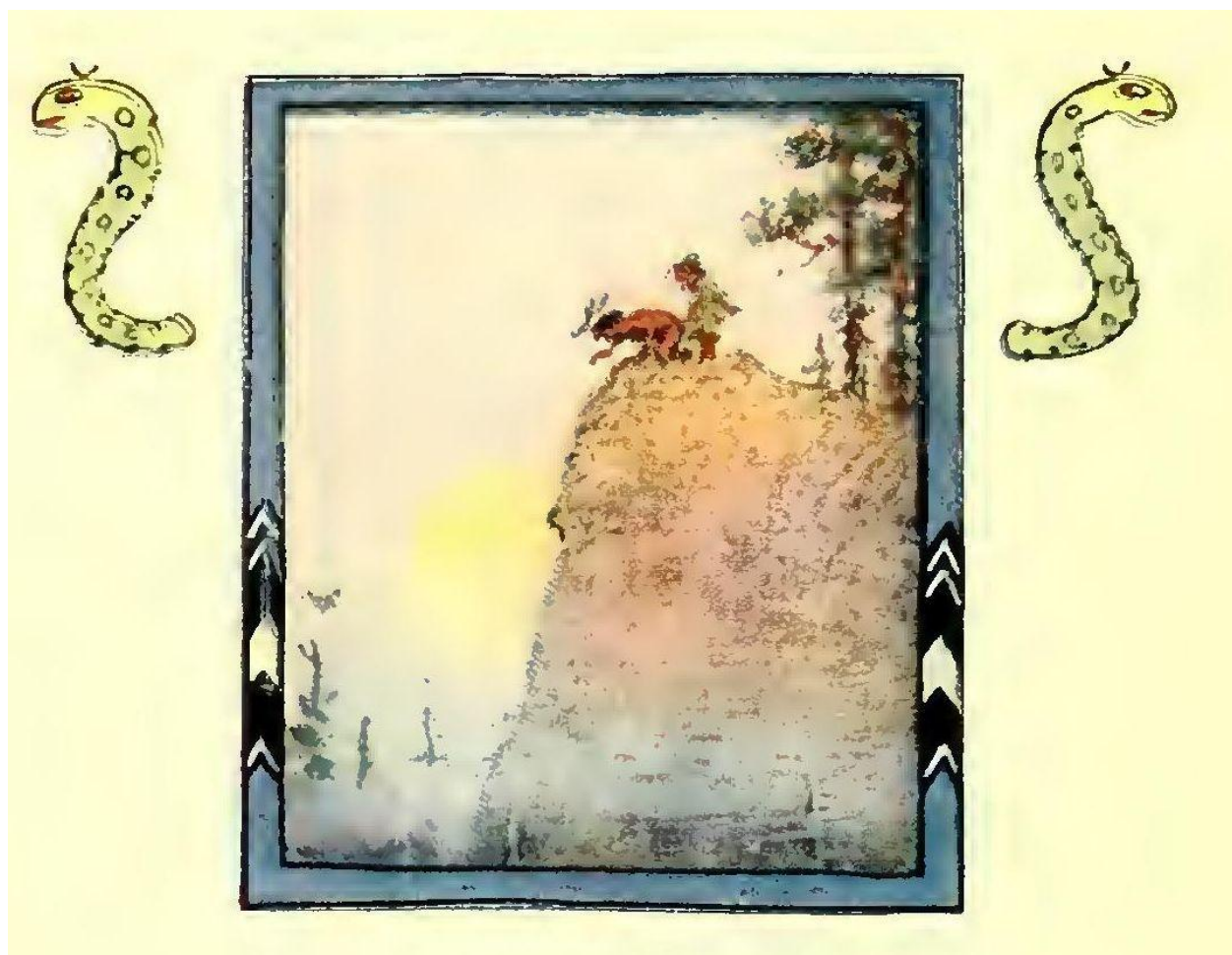
[back](#)

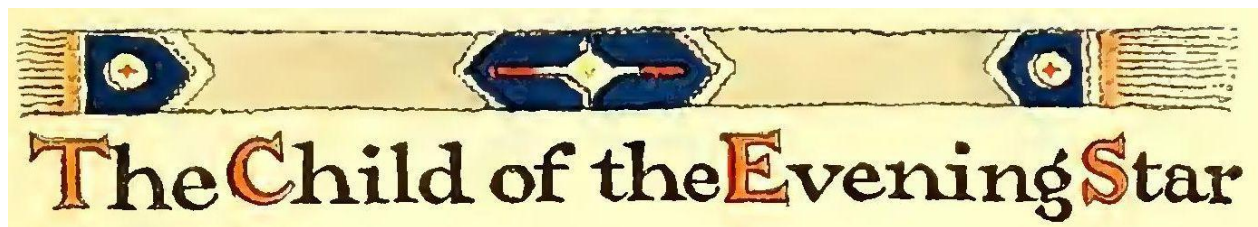
Never was such a play-
ground anywhere.

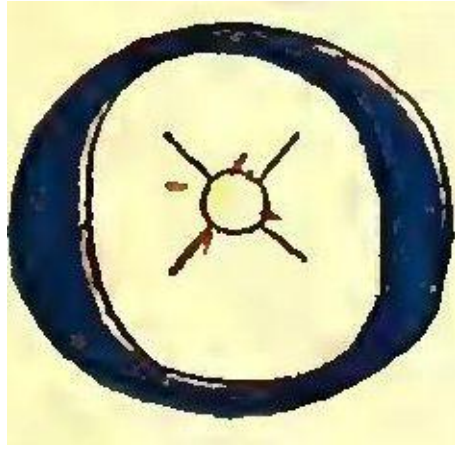
[back](#)

[back](#)

[back](#)

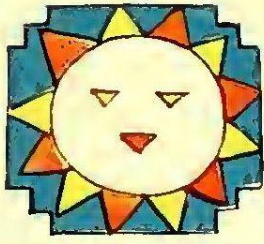
[back](#)

She loved to wander
alone in the woods.

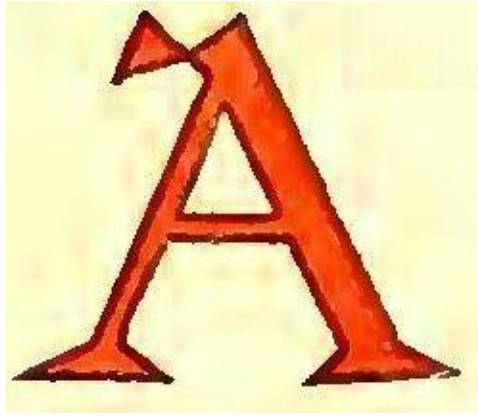
[back](#)

The Boy who snared the Sun

[back](#)

[back](#)

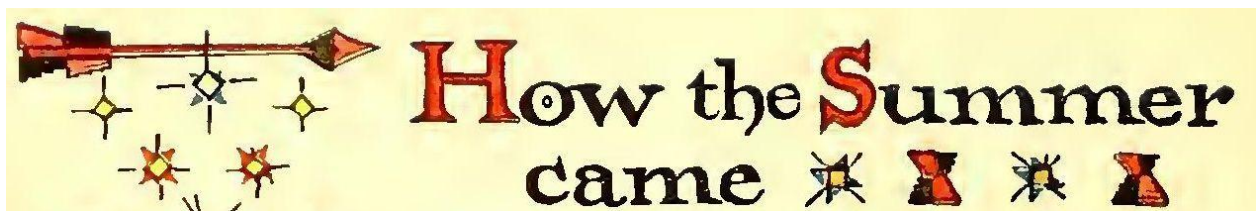
The biggest of them all was
Bosh-kwa-dosh, the Mastodon.

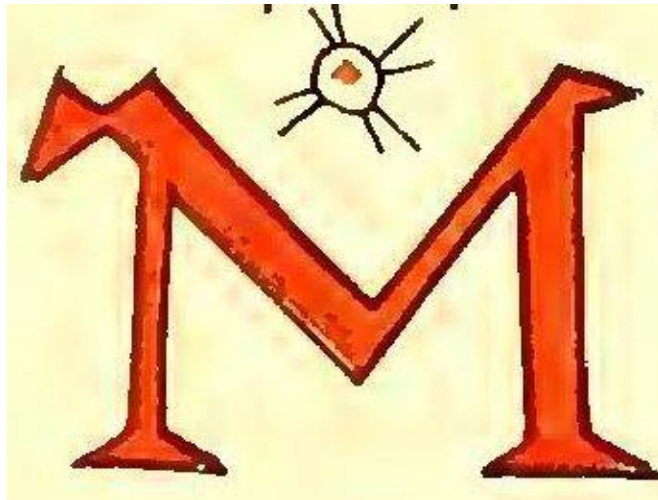
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

Men came to believe that
O-jeeg was a Manito.....

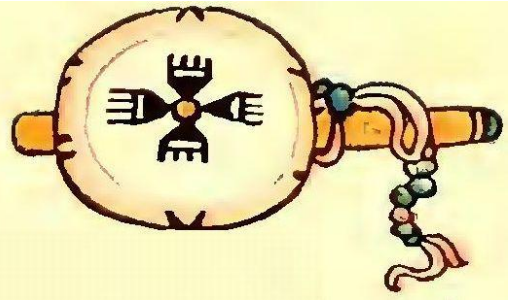

[back](#)

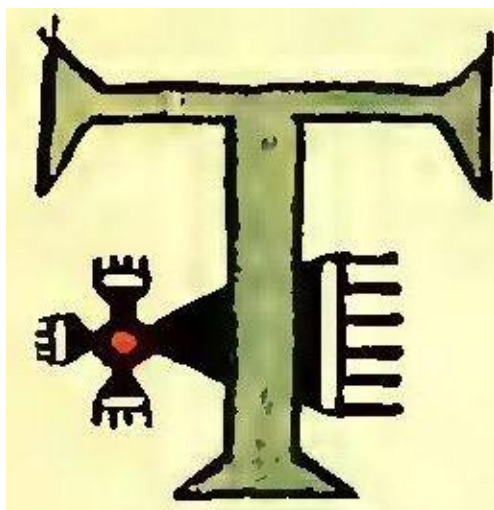

[back](#)

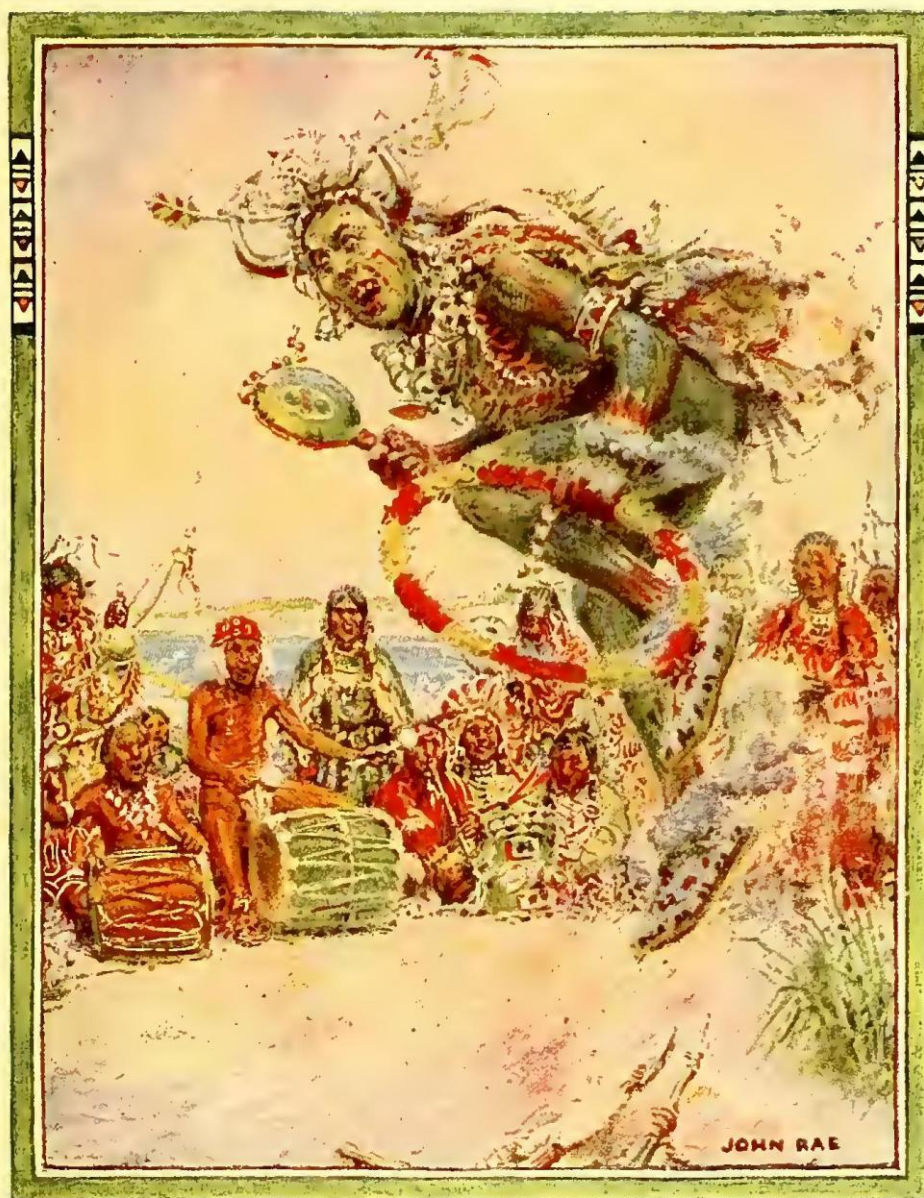
Grasshopper

[back](#)

[back](#)

The Beggar's Dance..

[back](#)

[back](#)

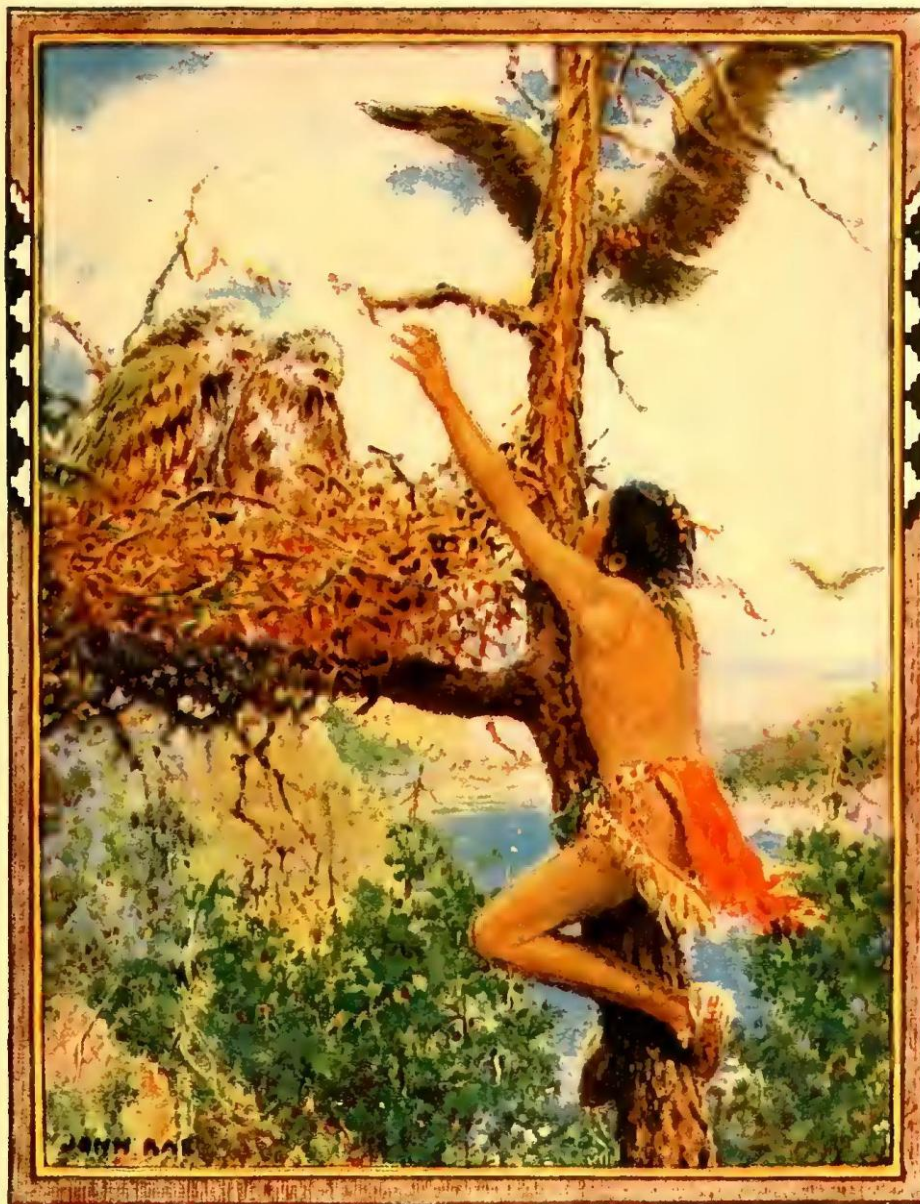
Mish-o-sha, the Magician

[back](#)

[back](#)

Seegwun had almost
reached the nest..

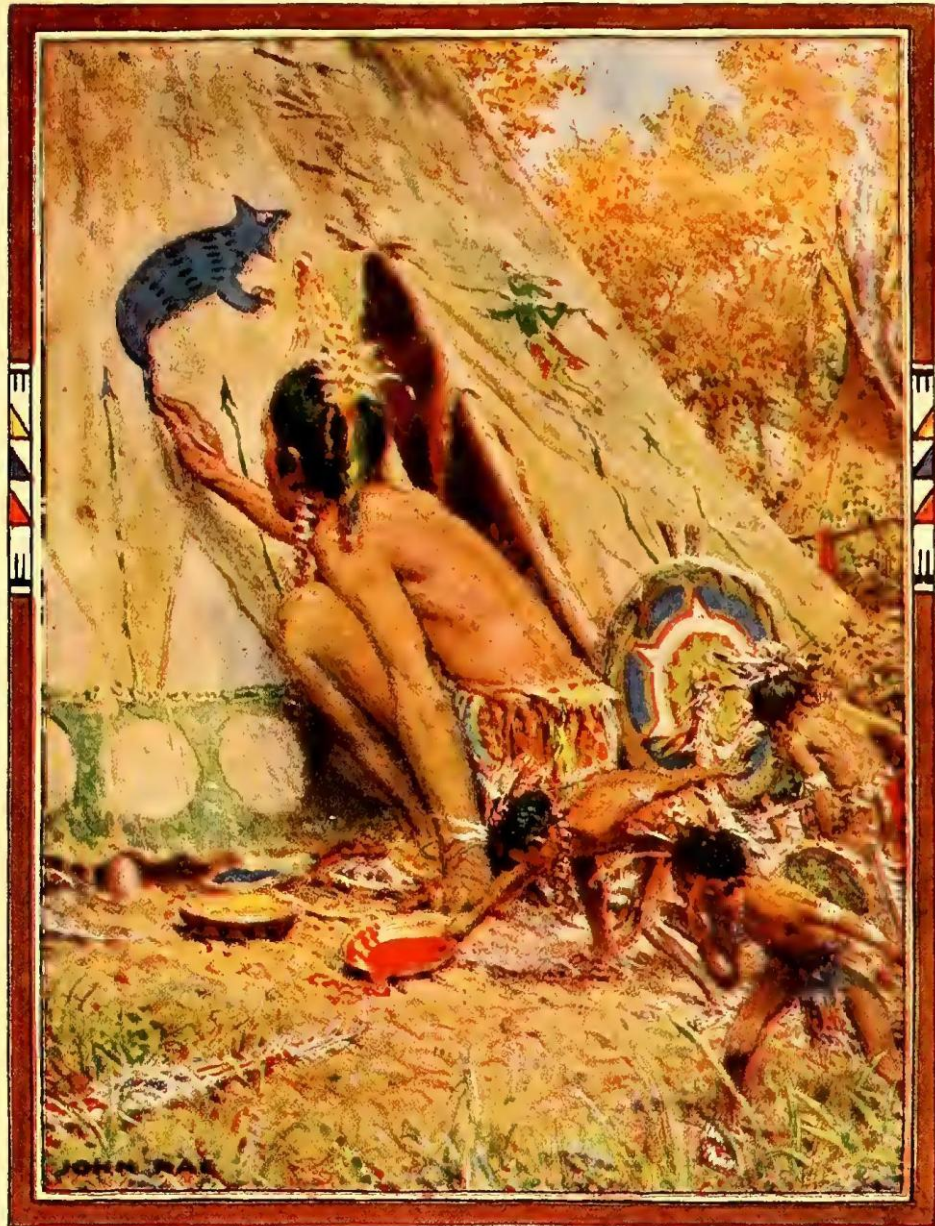
[back](#)

[back](#)

[back](#)

Mischievous little Fairies
known as Puk-Wudjies.

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)